

**СТАНИСЛАВ
РЕМ**

ПРИНИМАЯ ВО
ВНИМАНИЕ

Станислав Рем

Принимая во внимание

«Автор»

2009

Рем С.

Принимая во внимание / С. Рем — «Автор», 2009

ISBN 978-5-4444-2251-9

«О военном конфликте на Даманском знают и помнят многие. События марта 1969 года ещё не стёрлись из памяти того поколения, которое, по непонятным причинам, теперь принято называть «совковым». И они, то есть произошедшие военные действия на Дальневосточной границе уже не существующей страны, с названием СССР, и Китаем, довольно детально изучены и освещены современными историками и полководцами. Но, граница Советского Союза и КНР проходила не только в Уссурийском крае, где произошли те кровавые события. Она составляла, и составляет на данный момент расстояние почти в четыре с половиной тысячи километров. И вот, на этой длинной, тонкой нити на карте, обозначающей кордон двух государств, располагалось, и по сей пору расположено значительное количество не только пограничных застав, но и мирных населённых пунктов. Однако, если об участии в военном конфликте близлежащих от Даманского поселений хоть что-то стало известно моему поколению, то о том, что в то время, в тот месяц, того, далёкого 1969 года, происходило в других пограничных посёлках, деревнях, городах, до сих пор ничего не известно...»

ISBN 978-5-4444-2251-9

© Рем С., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

58

Станислав Рем

Принимая во внимание

*«...В прошлом есть очень много такого,
что позволяет лучше понять
возможности будущего»*

Юлиан Семёнов, «Пресс-центр»

О военном конфликте на Даманском знают и помнят многие. События марта 1969 года ещё не стёрлись из памяти того поколения, которое, по непонятным причинам, теперь принято называть «совковым». И они, то есть произошедшие военные действия на Дальневосточной границе уже не существующей страны, с названием СССР, и Китаем, довольно детально изучены и освещены современными историками и полководцами. Но, граница Советского Союза и КНР проходила не только в Уссурийском крае, где произошли те кровавые события. Она составляла, и составляет на данный момент расстояние почти в четыре с половиной тысячи километров. И вот, на этой длинной, тонкой нити на карте, обозначающей кордон двух государств, располагалось, и по сей пору расположено значительное количество не только пограничных застав, но и мирных населённых пунктов. Однако, если об участии в военном конфликте близлежащих от Даманского поселений хоть что-то стало известно моему поколению, то о том, что в то время, в тот месяц, того, далёкого 1969 года, происходило в других пограничных посёлках, деревнях, городах, до сих пор ничего не известно.

Благовещенск. Российский областной центр на границе России с Китаем. Пограничный город на берегу Амура. Прямо, что ни на есть, на самой границе с КНР. С противоположной стороны возвышается стеклом и металлом китайский город Хэй-Хэ. Некогда маленькая деревушка. А с русской стороны реки расползается вширь и ввысь красавец Благовещенск. И так они стоят друг напротив друга не первое десятилетие. Много видели соседи. И дружбу. И недоверие. И вражду, подчас переходящую в ненависть. И снова дружбу. Обо всём, точнее, о многом, что происходило в обоих пограничных поселениях, начиная со дня их основания, можно найти в архивах. В библиотеках. На страницах старых газет. В кадрах потёртой документальной кинохроники. Они вам расскажут, как русские и китайцы ходили через Амур друг к другу в гости в далёких пятидесятых годах. Как на льду, посередине Амура, в тех самых пятидесятых годах, перед Новым Годом устанавливалась громадная ёлка, к которой сбегались как русские, так и китайские ребята. И как после, уже в шестидесятых, через каких-то десять лет, ёлку перестали устанавливать на реке, зато вместо неё появились заграждения из колючей проволоки. Как в семидесятых советских любителей рыбалки отлавливали наши пограничные катера, в излучине Зеи, опасаясь, чтобы, не дай бог, сильное течение не снесло плоскодонки к китайской, вражеской стороне. О том, как в начале девяностых годов XX столетия между этими городами вновь начали восстанавливаться дружеские отношения. Многое что было... И о многом можно узнать.

И лишь о нескольких днях жизни двух поселений, Благовещенска и Хэй-Хэ, мы практически ничего не найдём, ни в архивах, ни в прессе, ни в каких-либо иных источниках. И не потому, что с того времени ничего не сохранилось. А по той простой причине, что вся информация о событиях, произошедших в марте 1969 года в Благовещенске, была уничтожена в начале девяностых. А до того, долгое время сберегалась в спецхранилище, в отдельной тонкой папке, с грифом в верхнем, правом углу, который печатью закрывал доступ любопытных глаз к содержанию.

«Совершенно секретно».

*Перед сотней всегда миллионы правы.
Надоела соха – карабины хватай!
Если мы не дойдём до далёкой Москвы,
Значит, мы недостаточно любим Китай!*

*А. Городницкий
«Марш хунвейбинов», 1969 год*

*Над Китаем небо синее,
Меж трибун возжи косые.
Хоть похоже на Россию,
Слава Богу, не Россия!*

А Раскин, 1969 год

—
«Положить конец провокациям!»

Митинг белогорских кондитеров

Весной прошлого года коллектив Белогорской кондитерской фабрики тепло проводил в армию слесаря – наладчика Анатолия Денисенко. Будущему войну товарищи наказывали быть надёжным защитником Родины.

И вот во время вооружённой провокации китайских властей на острове Даманский парень из Белогорска пал смертью храбрых.

На кондитерской фабрике состоялся митинг. Среди собравшихся – сёстры Денисенко – фармацевт городской аптеки № 7 М. Г. Барташова и продавец универмага Е. Г. Анодина.

Гневно осуждая действия китайских головорезов, бесчинствовавших на советской территории по указанию пекинских правителей, участники митинга одновременно выражали чувство гордости за своего товарища, который до конца выполнил свой долг на охране государственной границы.

– Анатолий Денисенко был членом комитета ВЛКСМ фабрики, активным участником общественной жизни, – сказала Галина Афанасьева, вожак фабричной комсомолки.

– Я помню его, как хорошего товарища. – говорил электрик Николай Филь. – Он пришёл к нам после учёбы в техническом училище. Знания были, а опыта не хватало. Я учил его тонкостям работы слесаря-наладчика. Анатолий всё быстро схватывал, добросовестно относился к делу.

Стоя почтили участники митинга память отважных пограничников, отдавших жизнь за Родину.

Родителям Анатолия Денисенко, проживающим в Некрасовском совхозе, участники митинга написали письмо.

Товаровед Р. П. Глазова внесла предложение навечно внести А. Денисенко в список коллектива предприятия. Галина Афанасьева предложила навечно зачислить его в состав фабричной комсомольской организации.

Участники митинга приняли резолюцию гневного протеста против провокации китайских властей. Кондитеры дали слово трудиться с удвоенной энергией.

(наш соб. кор.)

Боль и возмущение

Я участвовал в освобождении Китая от японских захватчиков и был свидетелем того, как тепло китайский народ приветствовал советских воинов – освободителей. Всюду можно было слышать от населения «шанго», что означает «хорошо».

А сейчас раздались выстрелы в наших пограничников, и китайские провокаторы нарушают советскую границу. Нет слов, чтобы выразить возмущение наглой провокацией пекинских властей, устроенной на острове Даманский.

Клика Мао стремится всячески подорвать дружбу между советским и китайским народами. Но мы не отождествляем трудолюбивый народ Китая с его зарвавшимися правителями. Мы никому не позволим нарушать границы своей страны!

И Белов, участник Великой Отечественной войны, пенсионер.

Чувство гнева

Перед началом рабочего дня коллектив Октябрьского автотранспортного предприятия собрался в красном уголке, чтобы выразить своё негодование по поводу провокационной вылазки китайских властей в районе пограничного пункта Нижне-Михайловка. Механик автохозяйства, Герой Советского Союза В. И. Безменов с возмущением говорил о раскольнической деятельности клики Мао, которая своей безрассудной политикой пытается подорвать братскую дружбу двух народов. Он одобрил мероприятия по укреплению государственной границы.

Выступавшие на митинге шофёр А. П. Бобровский, секретарь парторганизации автохозяйства П. И. Калантаевский, шофёр И. Д. Дорошенко напомнили зарвавшимся китайским авантюристам, что границы нашего государства священны, что любые провокации будут решительно пресекаться. Все они единодушно одобрили решительные действия пограничников, твёрдую позицию Советского правительства по отношению к китайским провокаторам.

Митинг протеста состоялся также в красном уголке Октябрьского ремстройучастка.

– Пограничная провокация китайских властей вызвала гнев и возмущение советских людей. – заявил в своём выступлении инспектор по кадрам С. Ф. Минаев. Он призвал всех ещё выше поднять бдительность, крепить дисциплину на производстве, лучше трудиться в ответ на происки маоистов.

Своё возмущение вероломством китайских провокаторов выразили плотник М. В. Сизоненко и другие строители.

Лучшим ответом на пограничную провокацию будет досрочное выполнение обязательств, принятых коллективом на четвёртый год пятилетки. – такую мысль выразили все выступающие.

На митингах приняты резолюции, клеймящие позором безрассудные действия пекинских раскольников.

Рассказы о кандидатах

Всегда там, где труднее

С Марией Кузьминичной Сергеевой, нашим кандидатом в депутаты областного Совета, я знакома давно: до последнего времени вместе работали на ферме.

В Москвитино она приехала пятнадцать лет назад из Брянской области и сразу всем пришлась по душе. Лёгкой работы не искала. Что ни возьмётся – всё у неё получается отлично. И повелось так: где труднее, туда...

*«Амурская правда», орган Амурского областного комитета КПСС и
областного Совета депутатов трудящихся*

Четверг, 13 марта 1969 года»

13 марта, 1969 года. 11.30

Дверь в приёмную начальника Амурского областного управления государственной безопасности без стука отворилась, и сорокадвухлетний майор Малышев, заранее предупреждённый о приезде бригады из столицы, стремительно поднявшись, вышел из-за стола секретаря

– Товарищ подполковник, – начал, было, докладывать помощник начальника управления, как вошедший, высокий мужчина, судя по всему, одногодок майора, или около того, одетый в лёгкое гражданское пальто, вялым движением руки остановил доклад и проговорил:

– День добрый. Александр Константинович, если не ошибаюсь?

– Так точно! Майор Малышев. Вас должен был встречать подполковник Скворцов, но он в госпитале...

– Я в курсе. А меня зовут Андреем Сергеевичем. Фамилия – Глебский. – подполковник вынул удостоверение, предъявил майору, – Главное управление. – После чего москвич кивнул в сторону двух молодых людей, вошедших вслед за ним. – Моя бригада: капитан Хохлов, Геннадий Владимирович. Старший лейтенант Егоров. Нестор Наумович.

Малышев с силой пожал москвичам руки. Глебский тем часом сбросил с плеч лёгкое, демисезонное пальто, с тонким каракулевым воротником, и, оглядевшись, пристроил его на спинке стоящего у стены стула. Следовательно из столицы мало напоминал военного человека: в сером костюме в клеточку. Вязаный джемпер под пиджаком. Волосы на голове подполковника торчали хотя и седым, но, по-мальчишески, вздорным ёжиком. Если бы не тяжёлый, опытный взгляд, Глебского вполне можно было бы принять за учителя средней школы, или, на крайний случай, за бухгалтера.

– Как добрались? – поинтересовался хозяин кабинета.

– Нормально. – Подполковник тяжело опустился на стул. – Повезло. Летели через Абакан. А то, как в аэропорту сообщили, в Красноярске пурга. До сих пор несколько рейсов чалются в Сибири. А у нас, слава Богу, погода не подвела. Признаться, боялись, застрянем. Кофе имеется? – следовательно из столицы потёр руки. – Ну и морозы у вас тут! – Глебский кивнул на заиндевшие окна. – Весной вовсе не пахнет.

– А с чего пахнуть? – позволил себе улыбнуться Малышев. – На дворе всего то март месяц. – Майор прошёл к платяному шкафу, распахнул створки, достал из его внутренностей чашки, сахарницу, две пачки печенья. – У нас тепло только в апреле заглядывает.

– Эка, ввернули, – усмехнулся Глебский. – Заглядывает...

– Так оно так и есть. – Малышев принялся разливать кипяток по чашкам. – Вот поживёте до апреля, сами увидите.

– Да нет уж. – Вторично усмехнулся подполковник. – Я так думаю, через недельку нас тут не будет. А если постараемся, то и раньше.

Глебский осторожно взял чашку обеими руками, и, свернув губы трубочкой, подул на горячий напиток, сделал махонький, осторожный глоток. После чего вновь обратился к собеседнику:

– Скажите, Александр Константинович, а что, у вас в городе частенько убийства происходят?

– Не без того, товарищ подполковник. – Неопределённо повёл плечами Малышев. – На городских «летучках», бывает, милиция докладывает о происшествиях. Правда, ранее происходило, по большей части, на бытовой почве. Жена мужа сковородой неприлежно отходит. Мужик по пьянке кого ножом оприходует. Или, молодняк по дури попадает под статью. К примеру, в прошлом году, по ранней осени, драка произошла между «раками» и двоковцами. На танцплощадке. Так пряжкой от ремня по виску одному курсанту досталось. Третий курс. Мальчишка, совсем. И один у матери. – Малышев провёл рукой по карманам, – И тот, что убил, не по злобе, тоже у матери один. А математика и так понятна.

– «Раки» и «двоковцы» – что за группировки? – поинтересовался Глебский.

– Да какие там группировки. – Отмахнулся майор. – «Раками» у нас в городе называют курсантов речного училища. А «двоковцы» – будущие офицеры. Курсанты ДВОКУ. Дальневосточного общевойскового командного училища имени маршала Рокоссовского.

– Нашла коса на камень? – Глебский пил чай мелкими глотками, так, чтобы не обжечься. – Молодая кровь бурлит?

– Вроде того.

– А другие убийства, к примеру, из мести, или с целью наживы, случались?

– И такое бывало. Только для нас, товарищ подполковник, подобное событие редкость. Закрытый город. Пограничный. – Тут же пояснил Малышев. – Отсюда и защищённость. «Залётные» два года назад пытались права качать. Сначала «заелись» с местными «химиками¹». Номер не прошёл. Потом, то ли со злости, а может от безнадёги, убили таксиста. Хотели воспользоваться машиной и выручкой. Да не учли одного момента. Дороги то из города всего три. И до ближайшего селения километров восемьдесят. А заправок по пути нет. Бензин кончился. Машину с трупом бросили, ушли в лес. На пятые сутки сами сдались. Обмороженные и голодные.

– Так, значит, бывало?

– А чем мы отличаемся от других? – Малышев отставил свою чашку. – Простите за вольность.

– Всё нормально. Это именно то, что я хотел узнать. Для начала. – Тут же уточнил следователь. – Какие версии отрабатывает милиция? Вы с ними в контакте? Кто непосредственно занимается расследованием? – вопросы прозвучали хлётко, жёстко, требовательно.

– Дело находится под особым контролем начальника областного управления внутренних дел полковника Ларионова. На данный момент, лично им сформированной группой отрабатывается версия убийства Василия Трифоновича в целях ограбления.

– Вот как? Именно ограбления?

– Так точно!

– Так точно, так точно... – подполковник отодвинул чашку подальше от себя. – Время покажет: точно или нет. – Глебский кивнул в сторону двери, ведущей в кабинет начальника областного управления. – Кто и когда опечатал?

– Василий Трифонович. Лично. Перед тем, как в последний раз покинул здание управления. Более кабинет никто не открывал.

– Вот это молодцы! – похвалил следователь. – Вот это правильно!

– Кабинет будем сейчас вскрывать? – поинтересовался майор.

– Зачем? Куда спешить? Думаю, сначала следует съездить в милицию, прояснить ситуацию на месте. А после и кабинетом займёмся.

¹ «Химики» – так в во времена СССР в народе, в просторечье называли тех лиц, кого досрочно выпустили из мест заключения, и они свой срок были обязаны, по решению суда, доработать на государственных стройках, «на химии».

При этих словах подполковник кивнул Егорову. Лейтенант быстро поднялся с кожаного дивана, прошёл к двери, присел на корточки и внимательно осмотрел оттиск печати, вжатый в пластилин. С полминуты исследовал слепок.

– Всё, вроде, как в целости, Андрей Сергеевич. – В скором времени пришёл он к выводу. – Правда, печать дважды прижимали к пластилину. Но, нитка цела. Повреждений нет. Конечно, желательно провести экспертизу, или простую сверку, перед тем, как вскрыть, но, судя по внешнему виду, причин для беспокойства нет.

– Вот и ладушки. – Глебский вытер губы носовым платком. – Если вы не против, Александр Константинович, заглянем в кабинет Иванова вечером. Кстати, распорядитесь, чтобы нам выписали временные пропуска. А сейчас желательно уладить два момента. Первый. Предлагаю нам, с вами, наведаться до товарища Ларионова. Свяжитесь с ним, может ли он нас принять в самое ближайшее время? И не лукавьте: так и скажите, мол, явилось нечто кошмарное из столицы, требует, так сказать, кузькину мать... Словом, сделайте всё для того, чтобы мы с милицией встретились, и как можно скорее. А мои люди, пока, суть да дело, займутся вторым вопросом. Где вы нас расположите на постой?

Малышев потянулся за шинелью, всящей на вешалке.

– Могу предложить два варианта. Первый: разместиться непосредственно здесь, в здании управления. У нас имеются комнаты для гостей. Второй вариант: в гостинице.

– Лучше в гостинице. – Улыбнулся Глебский. – А то спать там, где работаешь: какой же это отдых? Согласны?

– Вполне. А в какой хотели бы поселиться? – поинтересовался Малышев.

– А у вас что, гостиничный Клондайк?

– Клондайк – не Клондайк, но выбор имеется.

– Из скольких?

– Для начала – четыре. Подойдёт?

– Да нам, татарам... Какую посоветуете?

– Лучше всего «Юбилейная». Недавно построили. В центре города, рядом с площадью Ленина. На первом этаже ресторан. Очень хорошая кухня. Номера «люкс», и вид пристойный. С лоджии можно Китай увидеть. И половину города. И от управления недалеко. Впрочем, вам выделена машина.

– Вот и ладушки. Будем селиться в «Юбилейной». Только, не в «люкс». Командировочных не хватит. Кстати, Александр Константинович, кто первым обнаружил тело?

Майор уже натянул на себя офицерскую шинель, и принялся застёгиваться.

– Сосед по лестничной площадке. Вышел выносить мусор, на входе наткнулся на товарища полковника.

– Тот был жив?

– Нет.

– Милиция сразу пришла к выводу, что совершено именно убийство?

– Так точно. Об этом свидетельствовали кровоподтёки на лице, и смертельная травма в затылочной части головы Василия Трифионовича. Хотя, насколько мне известно, точных результатов медэкспертизы ещё нет.

– Вы их запрашивали? Я имею в виду, результаты экспертизы?

– Никак нет. Ждали вашего приезда.

– А вот это плохо! Глядишь, уже было бы от чего отталкиваться! Как получилось, что милиция взяла расследование на себя?

– Так их вызвали...

– А вы что, не могли перехватить?

– Слишком поздно. Когда приехали, Ларионов на тот момент уже всем заправлял.

– А как вы узнали про убийство?

– Так Ларионов лично и позвонил дежурному по управлению. Капитану Еремчуку. Тот оповестил меня.

– Понятно. Можете по возможности точно воспроизвести картину произошедшего? Исходя, естественно, из того, что вам известно?

Малышев потёр лоб широкой ладонью.

– Известно немного. Одиннадцатого марта, поздно вечером, точнее, ночью, Василий Трифонович возвращался домой.

– Где проживал Иванов? – тут же вставил реплику Глебский. – Карта города имеется?

– Так точно.

– Покажите.

Малышев предполагал, что следователи из столицы зададут подобную задачу, а потому заранее приготовился. Вскоре карта лежала на столе секретаря.

– Вот. – Карандаш в руке майора ткнул в один из квадратов на бумаге. – Дом на углу улиц Ломоносова и Пионерской. Пятиэтажка. Стандартная.

Глебский моментально сориентировался.

– А почему начальник областного управления проживал не в центре города? У вас что, с элитным жильём напряжка?

– К моменту приезда Василия Трифоновича из Москвы у нас действительно были проблемы с подобного рода площадями. – Малышев не оправдывался. Глебский прекрасно понял, тот просто констатировал факт. – Товарища полковника временно поселили в этот дом: на тот момент он единственный имел три комнаты. В октябре прошлого года Василию Трифоновичу предложили переехать в девятиэтажный дом по 50-лет Октября. В горкомовский дом. – Уточнил майор. – Но Иванов наотрез отказался.

– Причина отказа известна?

– Никак нет.

– Плохо.

Александр Константинович только тяжело вздохнул.

– Ладно. Продолжайте.

– Управление в день убийства Василий Трифонович покинул поздно. В 00.22. О чём имеется соответствующая запись в журнале дежурного. Машина довезла его до дома. Кстати, та самая машина, которая вам выделена. Вместе с...

– Машина довезла Иванова до самого подъезда? – бестактно перебил Глебский.

– Никак нет. Только до перекрёстка. Подъезды к дому Иванова есть здесь. – Карандаш ткнул в карту. – И здесь. Обычно товарищ полковник предпочитал...

– Детали позже. Гоните общую картину. Почему водитель не доставил полковника до дверей?

– Он его никогда к подъезду не подвозил. Василий Трифонович настаивал, на том, чтобы его высаживали на перекрёстке. Любил пройтись, так сказать, подышать свежим воздухом.

– Откуда вам известны такие подробности?

– Водитель признался. Как-никак, своё внутреннее расследование мы, естественно, тоже начали.

– Вот и подышал. – Раздалось за спиной Малышева. Майор, не закончив фразы, обернулся. Слова принадлежали капитану. Тот спокойно встретил взгляд Александра Константиновича, и уверенно улыбнулся. «Ты посмотри, какой нагловатый. Из «блатных», что ли?» – пронеслось в голове майора.

– Продолжайте. – Глебский, слегка нахмутив брови, сделал вид, будто недоволен последними словами подчинённого. Но Малышев понял – перед ним только что разыграли сценку: начальник и подчинённый. Хотели проверить его реакцию. Или сбить с мысли, чтобы после

поймать на несовпадениях. Второе – скорее всего. Майор выждал секундную паузу, после чего продолжил.

– Судя по всему, по крайней мере, так утверждают следователи из милицейской бригады, убийца встретил Василия Трифоновича возле входных дверей в подъезд. Либо, в самом подъезде, на входе. Удар был нанесён тяжёлым, твёрдым предметом, по голове. Точнее, в затылочную часть.

– То есть, сзади?

– Совершенно верно. После чего, товарищ полковник скончался.

– А кровоподтёки на лице? Была драка?

– Вполне возможно. Думаю, ответ даст милиция. Но с Ларионовым я ещё не созванивался. Ждал вашего приезда.

– И никто ничего не видел? Не слышал?

Малышев отрицательно качнул головой.

– Ценности пропали?

– Вы имеете в виду, личные вещи?

– Именно.

– Да, пропали. Портфель. Хороший портфель. Тёмно – коричневого цвета. С двумя замками. Стилизация под крокодиловую кожу. Объёмный. С тремя отделениями. Василию Трифоновичу его из ГДР привезли. Кто-то из знакомых. Часы. «Сейко». Импортные. С серебряным браслетом. Кошелёк с деньгами....

– Денег было много?

– Старший лейтенант Козлов утверждает, в тот день Василий Трифонович при себе имел не более пятидесяти рублей.

– Кто такой старший лейтенант Козлов?

– Руководитель отдела связи. Секретарь партийной организации управления.

– Лейтенант? И секретарь? – удивился Глебский.

– Демократия. – Отозвался нехотя Малышев. – Всё по Уставу.

– Что ж, бывает. Раз вы его сами выбрали. А откуда старшему лейтенанту Козлову известно о деньгах?

– Козлов и Иванов делали совместные покупки в нашем буфете. – Неторопливо ответил Малышев. И вообще, майор вёл себя слишком спокойно и невозмутимо. Подполковник тут же отметил сей факт, и занёс его в свою «книжку памяти».

– Пятьдесят рублей? Неплохая сумма, – вновь послышался голос Хохлова. – Хватит не только погулять, а ещё и дня три хорошо похмеляться.

На этот раз Малышев был вынужден согласиться с капитаном.

– Ладушки... – Андрей Сергеевич приподнялся со стула. – Что Иванов обычно носил в портфеле?

– Да кто ж его знает? Может бумаги. А может, продукты.

– Убитый имел привычку брать документы домой? – тут же ухватился за последние слова майора следователь.

– Не могу знать! – Малышев замаялся. – Точнее, лично никогда не видел, чтобы он что-то выносил из кабинета. А так...

– Секретарь что говорит? Впрочем, ладно, сам с ним чуть позже пообщаюсь. Почему Иванов покинул управление в первом часу ночи? Это в связи с последними событиями?

– Да нет. Товарищ полковник постоянно уезжал со службы последним. Говорил, московская привычка. – Глебскому о данной привычке было хорошо известно. Она зародилась в чиновничьем аппарате столицы ещё при Сталине. Тот любил работать по ночам. Того же требовал и от подчинённых. – У нас в тот день, – между тем продолжал Малышев. – Была вечерняя «летучка». Почти до 22.30. Разъехались часов в одиннадцать. Он, судя по всему, задержался.

– Ну да, если его харчевали в буфете, то здесь не только ночевать, жить можно. Пирожки, небось, с капустой покупал?

– Сомневаюсь. – Майор слегка улыбнулся. Малышев с трудом мог себе представить вальяжного, пахнущего дорогим одеколоном Иванова с общепитовским пирожком в руке. – В буфет в тот день балык завезли. А по поводу пирожков... Я ни разу не видел, чтобы Василий Трифонович питался в буфете.

– Ого! – воскликнул из своего угла капитан. – Балычок! Шикарно живёте!

– Впервые, за четыре года, что я здесь служу. – Малышеву не нравилось, какое направление начинает принимать разговор. А ещё более ему не нравился выскочка – капитан. – А так нам выделяют то, что полагается. Как всем.

Глебский взял в руки пальто, принялся одеваться.

– Портфель, естественно, не нашли? – утвердительно спросил подполковник.

– Так точно!

– Сосед, нашедший тело, милицию вызвал сразу? Или повременил?

– Как только убедился в том, что Василий Трифонович мёртвый лежит.

– Лежал, товарищ майор. Лежал. Теперь для Иванова всё существует только в прошлом времени. Привыкайте. Милиция поставила в известность военную прокуратуру, что они приняли дело на себя?

– Да.

– Молодцы. – Тяжело выдохнул Глебский. – Оперативно. Шустро. А вот по поводу ваших действий, майор, слов у меня нет. Погибает наш сотрудник, ваш непосредственный начальник, а вы об этом узнаете в самую последнюю очередь. – Подполковник развёл руками. – Просто никаких нет слов!

– Выходит, так. – Вынужден был согласиться Малышев.

Подполковник тяжёлым, размашистым движением, наконец, натянул на себя пальто.

– Оперативно, ничего не скажешь. – Глебский слегка прищурил и без того узкие глаза. – Хотя, с другой стороны... Чёрт его знает: может так оно и лучше. – Майор спрятал взгляд в пол: пойдя, пойми этого москвича... То плохо, то, тут же, хорошо... А Глебский принялся расшифровать свои слова. – Мы ведь, товарищ Малышев, как понимаете, прибыли не только для того, чтобы искать убийцу, или убийц. Точнее, не так. Поиск убийцы для нас сопутствующее мероприятие, связанное с выяснением: имела ли место утечка информации из вашего ведомства? И это главное. А уже после, или, если хотите, параллельно, выяснить, не стала ли данная утечка информации причиной гибели полковника Иванова. Так что, полусается, нам даже на руку, что обстоятельства сложились именно таким образом. Пусть милиция и прокуратура роют. Пока. Они на своей территории, а потому быстрее дело пойдёт. – Глебский принялся прятать шарф за полы пальто. – Но это вовсе не означает, что мы им позволим довести следствие до логического конца. Как только появится необходимость, дело нужно будет изъять. А такая необходимость, поверьте мне, появится. – Андрей Сергеевич застегнулся на все пуговицы. – Можете не сомневаться.

Малышев и не сомневался. Расследование могло спокойно выбросить кучу «мусора», в котором «менты» принялись бы ковыряться с превеликим удовольствием. И если бы они капнули чуть глубже, то головы бы полетели во всех направлениях. Независимо: винно или безвинно. По слухам, покойный Иванов, находясь в должности секретаря Московского горкома партии, был приближён к Шелепину², от чего и пострадал. Впрочем, если это даже было

² Шелепин А. Н. – политический и государственный деятель СССР. Начинал с поста секретаря комсомольской организации Москвы, в годы Великой Отечественной войны. Пик карьерного роста Шелепина пришёлся на времена Н. С. Хрущёва (занимал посты руководителя КГБ и Комитета партийно – государственного контроля). Принимал активное участие в «снятии» Н. С. Хрущёва. Однако, в 1967 году сам попал в немилость новому Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу, после чего Шелепин и многие из тех, кто считался его друзьями и «сочувствующими», были сняты с влиятельных должностей

так, ему ещё повезло. Отделался «ссылкой» в Благовещенск. «Могло быть и хуже. – подумал майор. – Впрочем, а в чём, собственно, повезло? – Малышев незаметно провёл языком по пересохшим губам. – В чём отделался? В том, что стал покойником? – майор снял с вешалки шапку. – Тоже мне везение! К тому же, теперь на нём, на трупе, могут сыграть. Там, в столице, и так во всю ивановскую идёт грызня между министерством внутренних дел и «конторой»: кто сильнее и кто более необходим для власти? А тут покойничек, да ещё какой! Пальчики оближешь: целый начальник областного управления КГБ.

Пока Малышев стоял перед зеркалом, Глебский нетерпеливо покачивался с пятки на носок, заложив руки за спину.

– Кстати, УВД у вас тут далеко? Может позвонить этому вашему Ларионову? Предупредить?

Майор в сердцах мысленно матюкнулся (достал москвич со своими амбициями!), прошёл к телефонному аппарату, набрал номер, и вскоре сообщил, что начальник милиции ждёт их.

– А милиция находится в квартале от нас. – Тут же, опережая следующий вопрос, уточнил Малышев. – Машину сейчас подадут.

Глебский вскинул левую руку, посмотрел на часы:

– Александр Константинович, а что если мы с вами пройдемся? А? По морозцу? Сколько тут ходьбы? Десять минут? Отлично! Заодно пообщаемся. Мои людишки, тем временем, отвезут вещи в гостиницу. Как, согласны? И ещё. Распорядитесь, чтобы нам ваши сотрудники немедленно подготовили всю информацию об Иванове. Чем занимался покойный в последнее время? Какие курировал мероприятия? С кем встречался? Словом, всё. В полном объёме. Так сказать, по первому требованию.

– Но...

– Если вас что-то смущает, майор, свяжитесь с Москвой. – Глебский первым направился к двери. – И не стесняйтесь, Александр Константинович. Всё в интересах дела.

Из дневника сотрудника Амурского областного управления Государственной безопасности, старшего лейтенанта Проклова В. В.

16 октября, 1966 года.

«..... двигатели бронекатера взревели, и мы отошли от невысокого, деревянного причала. Со стороны реки Благовещенск выглядит очень даже пристойно. Высокая бетонная набережная, спасающая город, как мне рассказали, в период сильных летних паводков, во время которых Амур, и Зея, река, подпитывающая основную водную артерию Дальнего Востока, набирают мощь, после снежной зимы и проливных дождей, и дружно обе выходят из привычных берегов. Но сейчас Амур спокоен, готовится к зиме, а потому, оба берега утопают не в воде, а в желтизне кустов и деревьев. Это мой первый взгляд на Благовещенск со стороны. Признаться, пессимистичный. Вдоль всей набережной, а это почти семь километров, возвышаются здания. Из прошлого века, как из прошлой жизни. И века нынешнего. Хоть и гармонично. Но не впечатляюще. Полный сюрреализм. Что-то на лирику потянуло. Причём, с долей сарказма. Прочитал выше написанное, появилось желание стереть. Слова получились чужие, книжные. Жаль, невозможно. Впрочем, пусть будет, как есть.

Командиром катера оказался капитан-лейтенант Левшов Егор Иванович. Мужик, лет тридцати. Крепкий. Как говорят про таких, кряжистый. Тщательно выбритое лицо у него постоянно светилось. Не улыбалось, а именно светилось. Едва мы вышли на середину реки, он тут же тронул меня за рукав и указал в сторону города:

– Смотри. Красота-то, какая! Вон, гостиница «Амур». Здание второго треста «Амур-строя». Роддом. Наша погранзастава. За ней – гостиница для высоких чинов. Вон, за высокими тополями! Спиртзавод. О, площадь Ленина. Вон туда глянь! Видишь, где бетонная лестница спускается к пляжу? Мы зимой там горку ставим. Ледяную. – Рука пограничника указала на вышеназванные объекты. – Ещё одна гостиница. «Юбилейка». Новостройка. Ресторан там шикарный! – в голосе капитан-лейтенанта прозвучала гордость. А я ничего интересного не увидел. Здание, как здание. Ну, пять этажей, стекло, бетон. Плоская крыша с громаднейшей, неоновой надписью: «Юбилейная». Таких домов в Москве пруд пруди. Нашли, чем удивить. А капитан продолжал визуальную экскурсию. – Смотри чуть дальше: здание пединститута. Моя жена там на физмате училась. Сейчас в первой школе математику читает. Речное училище... Судоверфь...

Честно говоря, мне всё это было неинтересно. Терпеть не могу, когда, к примеру, прихожу в музей, или на выставку живописи, и мне начинают читать лекцию. Вот, это было найдено там-то.... А это портрет такого-то... А здесь лежит то-то... И никто не спрашивает, интересно мне слушать, или нет. А, может, я пришёл просто посмотреть на всё своими глазами. Именно своими, а не чужими. Так и тут. Я бы, может, и дальше бы любовался городом, но Егор Иванович так достал меня своими речами и постоянным дёрганьем за рукав, что я плюнул на всё и отвернулся в противоположную сторону.

На китайский берег смотреть было неинтересно. Сплошной лес, с изредка выглядывающими из зарослей строениями – лачугами. Такое ощущение, будто там все перессорились и построили свои дома подальше от соседей.

Вскоре, с правого борта, мимо нашего катера проплыла лодка с китайским рыбаком. Старая лодчонка покачивалась на волнах, с трудом выдерживая вес маленького китайца, который, завидев нас, тут же принялся размахивать свободной рукой и выкрикивать на своём языке следующую фразу:

– Русский, уходи домой! Это мой дом! – перевёл я.

– Ого! – удивился Левшов. – Ты что, по ихнему шпрейхаешь?

– Есть немного.

Я в тот момент был собой недоволен. Нужно было промолчать, а нет ведь, выпендрился.

– И с каких это пор в Алма – Атинском училище погранвойск начали преподавать китайский? – Левашов смотрел на меня с недоумением.

– А кто сказал, что я закончил погранучилище? – теперь пришла моя очередь для удивления.

Капитан пожал плечами.

– Так к нам только оттуда и шлют вашего брата.

– Выходит, я исключение.

Левашов прищурился. Весело. С любопытством. Мол, давай, выкладывай, откуда к нам залетел.

Я и выложил. У бедного глаза на лоб полезли.

– А какого ляда тут делаешь?

– По комсомольской путёвке.

А что мне ещё оставалось говорить? Что решил пойти стопами отца? Который был против моего решения. Банально бы как-то это прозвучало. Неестественно. Как враньё. Не забуду, в десятом классе у нас зашёл разговор в спортивной раздевалке по поводу того, кто в будущем вступит в партию. С чего этот разговор разгорелся, не помню. Кажется, обсуждали новый фильм про войну. Вот и зацепилось. Игорь Носенко, наш комсорг класса, тогда заявил, что точно вступит. А ему пацаны взяли и брякнули: мол, а как же иначе? Он ведь хочет быть большим начальником, как папаша. Ему туда самая прямая дорога. А потом ждали, что бросится с кулаками. Ждали, чтобы под причину, морду комсоргу в кровь разбить. А Игорёха молчал.

Губы дрожали. На глазах слёзы. Но молчал. Долго молчал. А потом развернулся, и ушёл. После мы узнали, что батя его, коммунист, в тот день в больницу попал, с инсультом. И больше на ноги не встал. Дураки, так и не извинились. После выпускного, Игорь исчез из моей жизни. Как и все остальные. К чему это я? Ах, да. Вспомнил. Идти стопами отца. А ведь действительно, я пошёл по его стопам. Правда, папка хотел не этого, всё рассчитывал, что с ним останусь.

Не помню почему, но я снова посмотрел на удаляющуюся лодку.

– А хорошо здесь рыба ловится?

Левашов пожал плечами.

– Где как. Только в сампане³ не рыбаки. – Капитан тоже посмотрел на китайца и сквозь зубы сплюнул в мутную воду реки.

– А кто?

– Шпион.

Ответ прозвучал обыденно спокойно, словно слово «шпион» мне слышалось, а на самом деле было произнесено «мужик», или там «старик».

– С чего вы взяли, что он шпион?

– А мы местных рыбалок всех наперечёт знаем. Это раз. Он уже по середине реки, так? Так. А снасти не разобраны. Два. И выбрит, сволочь, до синевы. Три. Вот тебе все слагаемые. И вообще, мотай всё на ус, если к нам попал. Здесь – граница! А значит, уши нужно держать по ветру, а глаз востро.

– Почему тогда мы его не задержали? – я, помнится, кивнул в сторону удаляющегося водоплавающего корыта, под шикарным наименованием сампан.

– А за что? За то, что выбрит? – Левашов выбил из пачки «беломорину» и ловко кинул её в рот. – Этот хоть сидит и только пялется. Не вредный. Тут, брат, иногда повеселее дела случаются, и то вынуждены закрывать глаза. – Капитан затянулся дымом, и, думая о чём то своём, проговорил. – Правда, сами китайцы их к себе забирать не хотят.

– Кого забирать?

– Перебежчиков. Кого же ещё. – Левашов вынул изо рта «беломорину», стряхнул пепел в банку из-под консервов. – Потерпи. До заставы доберёмся, тебе там всё в деталях опишут. И в красках.

Капитан курил тяжело, будто выполнял предписание врача. Не хотел, а затягивался.

Потом он удалился в моторное отделение, а я остался на палубе один.

Китайский берег ничем не отличается от нашего. Та же растительность. Тот же песок. Те же обрывистые берега. И всё-таки складывалось ощущение, будто всё равно это не наш берег. Чужой. Какой-то тёмный, что ли. Загадочный. Таинственный. Кажется, вот-вот из нависшей над водой растительности появится злобная физиономия противника.

И мне, в тот момент, неожиданно вспомнилась практика на третьем курсе. Впрочем, ту лингвистическую практику таковой и назвать то было невозможно. В ноябре 1964 года меня, и ещё троих одnogруппников вызвал к себе ректор и в приказном порядке отправил обслуживать китайскую делегацию, которая прибыла в Москву из Пекина для участия в праздновании годовщины Революции. Наша задача оказалась проста: отработать два дня переводчиками. Собственно, ничего сложного не предполагалось. Простое, из года в год однотипное празднество, штампованные речи, штампованные тосты. Бытовые разговоры кружились вокруг обедов и нарядов, так что ничего сложного. На такую практику все шли с неохотой. Я тоже думал, что отрабатываю серую повинность. Но, когда казалось, что всё уже идёт к успешному окончанию чествования Октября, произошло нечто из ряда вон выходящее.

Во время праздничного ужина, организованного для гостей и членов правительства, глава китайской делегации Чжоу Эньлай решил пообщаться с нашим министром обороны.

³ Сампан – лодка.

Малиновским. Маршал, к тому моменту, уже успел принять «на грудь» изрядное количество спиртного, и от того речь свою не редактировал. А потому, когда китаец предложил выпить с ним, министр, блистая на груди двумя Золотыми Звёздами, выдал следующий тост: «Давайте выпьем за советско-китайскую дружбу! Вот мы, к примеру, своему Никитке под зад коленкой дали, так и вы то-же самое сделайте с Мао Цзэдуном. И дела у вас пойдут лучшим образом!»⁴ и первым осушил бокал.

Мы, естественно, перевели тираду слово в слово. А через двадцать минут нас «сняли» с практики, и отвезли на Лубянку. Скандал вышел ещё тот. Я и мои товарищи получили по «первое число», за дословный перевод. МИД «раскрутился» на дипломатический скандал. И если бы не Андропов⁵, кто его знает, чем бы всё закончилось...

Вскоре, мы пристали к берегу. Левашов первым сошёл по трапу на берег, и отковырял встречавшему нас начальнику погранзаставы, в чине капитана, после чего крепко пожал ему руку:

– Привет! Вот, привёз. Новое начальство!

Я тоже отдал честь, отрапортовался и добавил:

– Начальство временное. Буду выполнять обязанности руководителя особого отдела до назначения нового лица.

Пограничник стянул с головы фуражку, вытер широкий, коричневый от загара, лоб платком.

– А по мне сидите в отделе хоть до второго пришествия. – И тут же добавил. – Хотя, с лейтенантскими погонами оно не солидно. Ладно, пошли. Покажу своё хозяйство.

Слово «своё» капитан выделил особо. Чувствовалось, гордится тем, где живёт и служит.

«Хозяйство» Сковородинского пограничного отряда оказалось солидным. Три заставы, более ста километров пограничной полосы, плюс береговая линия Амура. И всего два поселения на весь район.

– А что деревень мало? – поинтересовался я, когда мы объехали на «газоне» территорию и вернулись в штаб. – Или рядом с границей не хотят селиться?

– И слава богу, что мало. – Тут же отреагировал капитан Ковалёв. Такова была фамилия моего собеседника. – Нам и этих двух деревень с головой хватает. Как уборочная начинается, хоть вешайся.

– Китайцы переплывают через Амур, – принялся объяснять Левашов, который дожидался меня, – Тут всё и начинается. То под комбайн лезут. То под косилку.

– Зачем? – не понял я.

– Как зачем? Мешают урожаем собирать.

Мы прошли в кабинет Ковалёва.

– Так ведь их же убить может!

– Так они для того и лезут. Камикадзы грёбанные. – Левашов сел за стол. В расстёгнутом кителе он напоминал анархиста из фильма про Гражданскую войну. – Уже двоих комбайнёров с инфарктом в больницу доставили. Косят, косят, а тут бац... Кровищи не меряно. Мяса. У того, кто с психикой дружит, ещё ничего. А остальных без ста грамм за рычаги и не посадишь. А китайцы всё прут и прут!

Ковалёв скинул китель, и оказался в десантном, в голубую полоску, «тельнике».

– Как посевная, или уборочная, словно тараканы через границу лезут. А мне приходится весь отряд на ноги ставить. – Командир погранотряда принялся расставлять на столе заранее заготовленную нехитрую закуску. – Дежурство в такие дни несём не только по полосе, а на полях, на реке, на дорогах. Люди по два – три часа спят. С ног валятся. И так, пока вместе с

⁴ Никитка – Никита Сергеевич Хрущёв.

⁵ Ю. В. Андропов в тот год занимал пост заведующего Отделом ЦК КПСС.

колхозниками посевная не закончится. Потом маленький перекур. А как Амур встанет, снова стычки с китаёзами. Только уже на льду. Чуть ли не каждый день нарушения.

– Пытаются к нам перейти?

– Да кто как. – Пограничник изъяс из шкафа бутылку водки. – У кого родни нет, те пытаются. Жрать то там, с их «культурной революцией», нечего. Вот и бегут. Но таких единицы. Редкий случай. В основном, нарушители выполняют директиву своего руководства.

– А директива у них одна, – вставил Левашов, потирая руки, в предвкушении трапезы. – нервы нам трепать. И чем чаще, тем лучше.

– Ладно, хрен с ними, с китайцами. – Перебил капитана Ковалёв, разливая спиртное, – Давай выпьем за знакомство.

И мы выпили. Вот так я познакомился с реальностью, о которой смутно догадывался в Москве. Оказалось, не всё так было гладко и спокойно, как казалось в столице.

Когда возвращались в город, я, рассматривая противоположный берег, находился в некоторых раздумьях.

К тому, что происходит в Китае, отношение в Москве было неоднозначным, точнее, я бы сказал, «желеобразным». Даже у нас, в институте, на Дальневосточном факультете, не было единого мнения о том, правильно действует Пекин, или нет? А что говорить о других, о тех, кто о Китае знал только из сводок газет? Одни преподаватели твердили, будто в Китае победила мелкая буржуазия, скрывающаяся под маской революции. И что Мао правильно делает, когда расправляется с ней. Другие отстаивали точку зрения, будто Мао – «китайский вариант Иосифа Виссарионовича», и в Пекине уже складывается «культ личности Мао Цзэдуна». Третьи на лекциях доказывали нам, будто Китай идёт по своему собственному, азиатскому, пути развития, который в корне отличается от советского, но это не значит, что его путь ошибочный.

Одним словом, в наших головах, после такой неоднозначности, был полный бардак. Но из всего сказанного, выслушанного, продискутированного, обговоренного, выпоренного, с пеной у рта выкричанного, вывод возникал один, и он был вопросом, на который никто нам ответить так и не смог. Как так получилось, что одна страна строящегося коммунизма не может помириться с другой страной строящегося коммунизма? Вместо ответа слышалось молчание. Больно вопрос оказался больной. А после молчания поползли слухи. Разные. Чаще пугающие.

Когда я поступил в институт, то на первой лекции по истории взаимоотношений нашей страны с Китаем, профессор Ключев прочитал нам, первокурсникам, строки из Маяковского:

Мы всем рабам рады помочь,
Сражаясь, уча и питая,
Мы с вами, китайцы! – Прочь
Руки от Китая!
Рабочий, разбойничью ночь
грому, ракетой кидаю
горящий лозунг: – Прочь
руки от Китая!

Прочитал красиво, с выражением. Как заметил тогда мой сокурсник, «хохол» Игорь Теряев: «Смачно!». Чуть позднее, мы кое-что узнали про Ключева. Поговаривали, будто Николай Фёдорович, перед войной, выполнял какую-то особую миссию в Пекине. Но сам он никогда не подтверждал эти слухи. Хотя, скорее всего, так оно и было. Ключев знал о Китае много. Очень много. Столько, сколько мог знать человек, побывавший там. Именно от него я услышал такое знакомое, и одновременно пугающее словосочетание: «культ личности Мао». Мы стали последними студентами, кому он цитировал Маяковского. Будущим первокурсникам он этих стихов не читал....»

13 марта, 1969 года. 11.44

Глебский первым вышел из здания управления, и чуть не упал, поскользнувшись на мраморном крыльце.

– Осторожнее. – С запозданием посоветовал Малышев, прикрывая тяжелые входные двери.

– Какого дьявола в вашем климате делать гранитные пороги? – выругался подполковник, с трудом пытаясь сохранить равновесие. – Они же скользкие.

– Зато как в столице. – Тут же аргументировал майор.

– Иванова инициатива? – догадался Глебский.

– А кого ж ещё.

– Твою мать...

С трудом преодолев скользкое покрытие, после чего, очутившись на более – менее твёрдой поверхности шершавого льда тротуара, подполковник почувствовал себя несколько увереннее.

– Ну, братцы, если захотите угробить следующую проверку, то вам это удастся наверняка.

Малышев усмехнулся и посмотрел по сторонам. Собственно, идти можно было двумя путями. Либо левой стороной, мимо магазина службы быта, либо правой. Мимо булочной, и общежития школы милиции. Майор выбрал второй. Там, всё-таки, ежедневно прибирали курсанты, а потому было почище. Глебский, поскользнувшись вторично, негромко выругался. Малышев постарался скрыть улыбку.

– Как у вас тут настроения, в связи с последними событиями? – неожиданно поинтересовался приезжий.

– Ситуацию держим под контролем. – Нашёлся Александр Константинович.

– Панических настроений нет?

– Отсутствуют.

– И не было? – следователь притормозил перед перекрёстком, поднял голову и посмотрел на светофор. Для пешеходов горел красный свет.

– Никак нет. Народ в городе сознательный. К тому же, уверенный в силе нашей армии. И партийные организации на местах провели соответствующую работу. О чём и было доложено неделю назад. К вам наш рапорт должен был поступить.

– Если должен – значит поступил. – По обе стороны дороги не виделось ни единой машины, но Глебский упорно продолжал стоять на перекрёстке в ожидании зелёного света. – Это хорошо, когда всё под контролем.

Малышев хотел, было, сунуть руки в карманы, но одумался, и принялся натягивать кожаные перчатки.

– А вы что, не ознакомились с документами? – сделал выпад майор.

«Молодец! – мысленно похвалил Малышева Глебский. – Чётко срезал!»

– Признаться, не успел. – Солгал подполковник. – Да суть не в этом. В каком режиме работает управление сейчас?

– Повышенной боевой готовности.

– Во время событий на границе из здания отлучались? Казарменное положение вводили?

– Нет. Не видели необходимости. Весь состав управления проживает максимум в пятнадцати минутах езды к месту сбора. К тому же, часть состава отправлена на заставы. Ввели особое положение. Со второго по шестое марта. Усилили дежурство.

На светофоре загорелся зелёный и Глебский первым сделал шаг на проезжую часть дороги.

– И Иванов вёл себя соответственно обстановке? – переходя через перекрёсток, спросил следователь.

– А как же? – невозмутимо отозвался майор. – Как все.

– Понятно. – Андрей Сергеевич стрельнул прищуренным взглядом по собеседнику.

Малышев прочитал в глазах подполковника недоверие.

– Сомневаетесь?

– Да.

– Ваше право. – Малышев принялся поправлять на голове шапку, которая и так отлично на ней сидела.

– Иванов со своими обязанностями хорошо справлялся?

– Нормально.

– Что значит: нормально? – Глебский сделал вид, будто не понял ответа.

– То и значит. Москва претензии к нему имела? Нет. Вот то и нормально.

– А с вашей точки зрения?

– С моей лично? Или всего управления?

– Начнём, с вашей, личной, точки зрения.

– А моя точка зрения пусть останется при мне. – Малышев проследил взглядом за машиной «скорой помощи», которая, пронзая воздух сиреной, промчалась по узкой улице.

– Не хотите попасть впросак? – поддел собеседника Андрей Сергеевич. – Моя хата с краю...

– Очень даже неплохая позиция.

– Да. Особенно в данной ситуации. – Специально поддел Глебский.

– Представьте себе.

– И что? Душа совсем не болит? Всё-таки, человека убили.

– А вы в мою душу не лезьте! Вы не поп, и я перед вами исповедоваться не обязан. – неожиданно вспылал майор. – Отболела душа! За два года! Пришлют чёрте кого, а потом про душу волнуются.

– Вы Иванова имеете в виду?

Малышев промолчал.

– Я что так зло? Ведь его не я присылал!

– Но и мы его к себе не выписывали! – не сдержался Александр Константинович.

– А почто таким тоном? – решил усилить инициативу в разговоре следователь. – Посмотрите, как мы раздражены!

Малышев резким движением достал из кармана шинели носовой платок и, отвернувшись, высморкался.

Идиот! Кретин! Не сдержался. – Выругал себя майор, прикладывая материю к носу. – Теперь придётся выкручиваться. Впрочем, какая разница? Всё равно бы, рано или поздно, сорвался. А так, даже к лучшему. Хоть вокруг да около не придётся ходить. Заодно, и москвича проверим, чем дышит.

Спрятав платок в карман, Малышев проговорил:

– Нас, почему-то, отшибом считают. Всё, что не нужно, сюда сбрасывают. На перевоспитание, что ли? Только мы ведь не колония. Взять вашего Иванова. Ведь здесь граница! Что, не могли вместо провалившегося партийного чиновника, прислать опера? Или, на крайний случай, любого кадровика, но из «конторы»? И то толку б побольше было.

– Выходит, из ваших слов, Василий Трифионович не справлялся?

Майор покачал головой:

– Провоцируете? – уголки рта Малышева приподнялись в неприятной улыбке. – Не выйдет!

Глебский ускорил шаг: а так инициативу он перехватить не смог.

– Если бы было, кого другого прислать, то, наверняка, прислали. – Наконец, смог найти ответ Андрей Сергеевич.

– И бык давал бы молоко, кабы был коровой. – Едко заметил Малышев.

– И всё-то у вас негативно! – теперь не сдержался подполковник. – Я-то вам, вроде, ничего плохого сделать не успел!

– Извините! – выдохнул Малышев и остановился.

– За что извинить?

– Да вот, что был несдержан. За то самое.

Глебский встал напротив майора.

– Идите вы к чёрту, со своими извинениями. А то, что открылись, мне нравится. Не люблю работать с амёбами. А посему, давайте примем ряд условий. Первое: предлагаю перейти на «ты». Так проще. Для дела. Второе: говорить обо всём открыто. Опять же для пользы. Принимается?

– Вполне.

– И ещё момент. В виде уточнения. Меня прислали не для того, чтобы отмывать «честное имя» товарища Иванова. А для того, чтобы провести полное и тщательное расследование. Чем и буду заниматься. А вы мне обязаны в этом помочь.

– Не вы, а ты.

– Что? – не понял Глебский.

– Сами же предложили перейти на «ты». Или передумали?

– Ни в коем случае! Итак, перефразирую вопрос: Иванов был настолько глуп, что не мог справиться с возложенной на него задачей?

Малышев чуть отошёл в сторону, пропуская идущую на встречу женщину с двумя авоськами в руках.

– Да нет. Я бы не сказал, что Василий Трифонович был глуп. – Майор, перед тем, как произнести фразу, оценил в уме каждое слово. – Хотя, то, что он был не на месте – факт. В последнее время, по крайней мере, такое у меня, да и не только у меня, сложилось впечатление, будто в область «Центр» стал направлять только тех, кого, вскорости, собираются отправить на пенсию. Либо тех, кто не смог справиться со своими обязанностями на прежней службе. Я в Амурском управлении восьмой год. При мне началась эта свистопляска. Сначала, в шестьдесят третьем, прислали Антонова, Григория Николаевича. Мужик хороший, ничего не скажу. Только бесхребетный. Что бы первый секретарь обкома не говорил, всё выполнял. У нас весь личный состав управления перед Днём советской армии улицы чистил! Можете себе такое представить? Капитаны, майоры со скребками вдоль улицы стоят, словно дворники. Только потому, что такой приказ пришёл сверху.

– И у нас чистили улицы. – Тут же заметил Глебский. – Я лично с ломиком лёд долбил. Ничего. Как видишь, корона с головы не упала. Только это дела давно минувших дней. Давай ближе к существующему моменту.

– А я о деле и говорю. Антонов к нам откуда пришёл? Из отдела кадров Новосибирского управления. С оперативной работой вообще знаком не был. Ну, да при нём граница ещё была более – менее спокойна. А вот когда два года назад прислали Иванова, тут то мы и поняли, что Антонов был далеко не самый худший вариант.

– Подробнее.

– А что там подробнее. – Майор в сердцах махнул рукой. – У нас, в последнее время, каждое лето чуть ли не военные конфликты происходили. Китайцы постоянно переплывали Амур. То мешали уборке урожая. То скотину воровали в сёлах. А сколько раз под косилки бросались... Два года назад рыбак пропал без вести. Может, китайцы здесь и не причём, да больно смахивало на то, что всё-таки «ходи» имели к этому отношение. У них же голодуха. А за плоскодонку можно семью целый год кормить. Живут в землянках. Ходят в робах, как

оборванцы. Зато гонору – хоть отбавляй! Чуть что – цитатниками в морду тычут. Мао! Мао! Политическая, понимаешь, обстановка! Мать её...

– Наверх докладывали?

– А как же! Всё через товарища Иванова. Только без толку. Думаешь, тот сообщал выше по инстанции? Чёрта с два! Капитан Еремчук, из «особого отдела», Иванову «Войну и мир» из докладных написал. И что? Как выяснилось, ни одна записка в Москву не ушла! Ни единая! Даже когда в прошлом году в Сковородино погиб пограничник. Все знали, что мальчишку убили во время несения боевого дежурства. Китайцы пытались перейти по льду на нашу сторону. Еремчук об этом сообщил в рапорте. А результат? Смерть списали на неумелое обращение с оружием. И всё! Нет пацана. И проблем нет! Зато партийных собраний, за два года правления Иванова, в управлении было проведено в три раза больше, нежели за все предыдущие годы. У нас ведь как стало при Василии Трифоновиче? Чуть что – в Ленинскую комнату! Обговорить сложившуюся ситуацию. Вместо того, чтобы просто дело делать, три часа обсуждаем, как его сделать лучше.

– Но после-то, в противовсе ему, делали?

– Делали. – Вынужден был признать майор. – И именно в противовес. И хорошо делали. Да в «Центр» Иванов совсем по иному докладывал. Всё преувеличивал да в красках красивых рисовал. Себя показать хотел. Выставить, так сказать, товар лицом. – Малышев скривился, словно от зубной боли. – На кой ему нужны были мальчишки – пограничники? На них разве имидж зарабатываешь? Хрен с два. Иванов всё время шпионов выискивал. «Манечка» у него такая была: найти диверсанта. Искал, где только мог. Выслужиться хотел. Мечтал вернуться в Москву. На белом коне. Вот, вернулся.

– Ты, майор, словами то не раскидывайся. Думай, что говоришь.

– Так мы же договорились. – Усмехнулся Малышев.

– Мне – говори всё, что хочешь. С остальными держи язык за зубами. – Глебский приостановился, и, повернувшись в сторону собеседника, тронул того за кожаную портупею, – У вас тут хоть и край света, а уши всё одно имеются. – И тут же продолжил. – Получается: руководитель управления не занимался государственным делом? А только личным? Не преувеличиваешь? На личном фоне?

– Да какие тут преувеличения! – майор в сердцах махнул рукой. – Можешь сам проверить. Рапорты мои и Еремчука должны сохраниться. Сысоев, секретарь, их регистрировал. Потом нас Иванов за эти докладные на ковёр вызывал. Разнос устраивал. Мол, мы своей писаниной портим ему всю картину. Дескать, как можно подавать в Москву информацию о том, что у нас погиб мальчишка при переходе китайцем границы. Это ж, – скопировал интонацию покойного Иванова, майор. – получается, рубежи нашей великой Родины не защищены! Думайте, что пишете! – Малышев со злостью сплюнул на обледенелую землю. – Дерьмо!

Глебский потёр ухо: действительно, на улице стоял солидный холод.

– Ай, да Василий Трифонович. – Выбрасывая клуб пара, произнёс подполковник. – Дала, таки, знать, секретарская закуска. Почему на прямую не сообщили в «Центр» о происхождении? Или в округ?

– Смеёшься? У Иванова, знаешь, какие связи в Москве остались? Нет? А ты поинтересуйся. Своими глазами видел у него фотографии. Помнится, день рождения был у его жены. Все шишки города собрались у товарища полковника на квартире. И мне честь оказали. Вот там я некоторые снимочки-то и приметил. Когда он альбом показывал. Знаешь, с кем он там был запечатлён? – Малышев сделал паузу. – Достаточно сказать, на одном из снимков стоял рядом с самим Андроповым. Так-то вот!

– Ну, то, что стоял, ещё ничего не значит. – Глебский недовольно поморщился: разговор пошёл в зыбкое русло. Хотя, в столице, когда он зондировал почву, ему ничего не сообщили о том, что Юрий Владимирович и Иванов были близки. Да и сам руководитель КГБ личной

заинтересованности в раскрытии происшедшего в Благовещенске не проявил. Однако, это, как знал из личного опыта Андрей Сергеевич, ни о чём не говорило. От Андропова можно было ждать любой реакции. – Молчание не всегда есть золото, майор. Ладно, забыли. – подполковник бросил взгляд на неторопливо идущих прохожих, и тут же про себя отметил: а в Москве все торопятся, спешат, летят. Вот что значит провинция. – Сколько ещё до милиции топать?

– Минуты три. – Малышев поёжился. Пронизывающий, ледяной ветер неприятно забирался под ворот шинели.

– Вот и замечательно. Расскажи мне за эти три минуты, так сказать, вкратце, что у вас происходило в самые первые дни со дня «Ч». То есть, со второго марта.

Ретроспектива. 02 марта, 1969 года.

Телефонный звонок застал Проклова врасплох. Воскресенье. За полдень. И кто, интересно, мог им заинтересоваться в такой день и в такой час?

Виктор сорвался с дивана, кинулся к аппарату. Звонили из управления. Сообщение потрясло лаконичностью и бескомпромиссностью:

– Срочный сбор! За вами выслана машина!

Проклов стремительно прошёл к одёжному шкафу, натянул галифе, китель, надел шинель, перепоясался португеей. А мысль всё время сверлила в мозгу: что могло произойти? Что случилось, что собирают всех? А, может, не всех, а только его? Но, вроде, по его направлению все дела находились в надлежащем порядке. Буквально, в пятницу, на «летучке», докладывал о проделанной работе. Даже отдал отчёт в рукописном виде. Может, что-то не учёл? Или, не дай бог, пропустил? Тогда «боров», – чуть не вслух выругался лейтенант, – точно меня со всеми потрохами сожрёт.

Машина прибыла через двадцать минут. В ней, к удивлению Проклова уже находились капитан Еремчук, из «особого отдела», капитан Скворцов, из второго, и старший лейтенант Козлов, из пятого, отдела секретной связи, или попросту говоря «секретки».

– Что случилось? – Проклов втиснулся на заднем сиденье, прижав Еремчука к Скворцову.

– А хрен его знает. – Тот раздражённо выдернул из под тела лейтенанта полу шинели. – Хотел со своими сегодня на каток сходить. Пацаны с утра коньки точили. А тут...

У Еремчука подрастало трое мальчишек, мал, мала меньше. Он в них души не чаял.

– Успеешь сводить. Каток на «Динамо» до двадцати двух работает. А сегодня не успеешь, так время ещё есть. – Проклов подул на заиндевевшее окно, в результате чего получил обзор в виде маленького кружочка. Теперь он мог рассмотреть, как мимо медленно проплывали невысокие, деревянные одноэтажные дома, возле которых местная детвора каталась на санках и коньках. – Холода ещё недели две стоять будут. Так что лёд не растает.

– Ну да, лёд то не растает. Только в следующее воскресенье моё дежурство.

– Подмену.

На лице Еремчука мелькнула улыбка:

– Ты и так сколько раз подменял...

– Господи! Одним больше – одним меньше. Боря, – Проклов обратился к Скворцову, – а тебе ничего не передавали? По какой причине явка?

Тот мотнул головой:

– Понятия не имею! – и скосил взгляд на впереди сидящего Козлова. Проклов понял, и тут же отреагировал:

– Вот ёлки... Жаль. Хоть бы знать, до вечера вернёмся, али как? Николай, чего молчишь? Вернёмся? Или нет?

Козлов не оборачиваясь, отрицательно мотнул головой. Мол, не знает. «Врёт, – уверенно подумал лейтенант. – Не может быть, чтобы «боров» своему любимцу ничего не сказал. Ничего, «летучка» начнётся, по физиономии сразу станет видно, предупредил его Иванов или нет».

Так и случилось. Едва подчинённые расселись по своим местам в кабинете руководителя областного управления КГБ, единственным, кто никак не отреагировал на неожиданную информацию руководства, оказался Козлов.

Иванов, как только убедился, что весь состав в сборе, поднялся перед присутствующими, резким движением рук оправил китель и произнёс:

– Товарищи! Я вас собрал вот по какой причине. – Полковник прокашлялся в кулак, продолжил. – На границе Союза Советских Социалистических Республик и Китая сложилась тяжёлая обстановка. – Проклов заметил, как Еремчук опустил голову: будто раньше обстановка была спокойна! Однако, продолжение фразы заставило капитана не только вернуться в исходное положение, но и напрячься всем телом. – Сегодня, как мне лично сообщили из Москвы, в десять часов утра, по местному времени, на территории, находящейся под охраной 57-го погранотряда произошло нарушение границы с применением огнестрельного оружия.

Ого, чуть не сорвалось с языка старшего лейтенанта Проклова. Такого действительно ещё не было. Виктор взглянул на Еремчука, и увидел тревогу в глазах капитана. Иванов, тем временем, выдержав паузу, продолжил.

– Есть убитые. В том числе и с нашей стороны.

В кабинете воцарилась гнетущая тишина. Проклов, уткнувшись взглядом в стол, провёл языком по вмиг пересохшим губам. Кто и о чём думал, догадаться было несложно. 57-ой погранотряд нёс службу в Уссурийском крае, всего в какой-то тысяче километров от Благовещенска. Для Дальнего Востока не расстояние. Соседи. А это значило одно: жди нападения и на других участках границы. Не исключено, и на сам город. Вот тебе бабушка и Юрьев день!

– Товарищи! – Василий Трифонович снова нервно оправил китель, будто это движение добавляло мыслей в его изрядно полысевшую голову. Он, как заметили все, явно нервничал. А переживать было с чего. Полковник в подобной обстановке оказался впервые. В обстановке, когда он должен принять единственное и верное решение. А вот тут то и была закавыка: принимать личное решение – это не «ЦУ» выполнять от вышестоящих органов. Тут, за неверный подход, могут и по шапке дать, если что не так сделаешь. Либо вообще голову снять, тогда шапка и вовсе не пригодится. Иванов попытался сдержать тяжёлый вздох, но у него это получалось с трудом. Лицо, за последние часы, побледнело, отекло. Живот неожиданно вырос из-под кителя. И проклятые руки! Они не могли совладать с собой. Их била мелкая, противная дрожь, а потому, Василий Трифонович постоянно пытался прятать их в карманах галифе. Отчего вид полковника становился просто комичен. Впрочем, он этого не замечал. – Каковы будут ваши соображения, товарищи? По поводу доведённой информации.

Проклов с трудом оторвал взгляд от крышки стола и посмотрел руководство. Стало противно за мужика. Куда делись лоск, чопорность? Под глазами начальника управления образовались круги. Всегда прекрасно выделенный пробор на голове, сегодня дал косину. Виктор снова опустил взор. И это руководитель боевого подразделения! «Доигрались, мать вашу, – сама собой прожгла мозг лейтенанта шальная, как пуля, мысль, – А ведь кто-то, не сегодня – завтра, кровью за его нерешительность умоется!»

– Итак, товарищи! – Иванов терпеливо ждал. – Так кто выскажется? Давайте, так сказать, соображения! Подключайте опыт! Знания! Обсудим! Так сказать, соединим воедино ваши, так сказать...

«Ещё минут пять молчания, – усмехнулся Проклов, – И «борова» начнёт трясти! Любопытно посмотреть на такую картину».

– Да какие тут соображения? – неожиданно произнёс Малышев. Майор уверенно поднявшись с места. – Задача перед нами поставлена одна – защита Родины! А потому, предлагаю следующее. Во-первых, собрать полную информацию о том, что происходит на наших пограничных участках. Еремчук, – резкий поворот головы в сторону капитана, – на это тебе выделяется час времени. Во-вторых, необходимо распределить по заставам сотрудников управления, в помощь «особому отделу», чтобы мы могли контролировать ситуацию на местах. И это следует сделать немедленно! В-третьих, перевести погранотряды, воинские части, военные училища, управление в состояние повышенной боевой готовности. – Малышев взглянул на Иванова, в ожидании, что тот что-то добавит, но, после секундной паузы, понял: говорить, кроме него, некому: А потому решил продолжить. – Товарищ полковник. Необходима информация о характере нападения. Как всё проходило? С чего началось? Какие силы использовали китайцы? Какое оружие было применено со стороны противника? Если только огнестрельное – одно обстоятельство. Если применили ракетные установки – другое. Вы сможете это выяснить? Зная детальную обстановку – проще принять правильное решение. К тому же, станет понятно, с чем мы имеем дело: с провокацией, пусть даже вооружённой, – майор тяжело выдохнул, и добавил, – или с военным конфликтом. У меня всё!

Малышев сел.

– Кто ещё хочет высказаться? – Иванов с надеждой смотрел на присутствующих. Последнее слова майора, по логике, были верны. Но вот по сути... Василий Трифонович прекрасно понимал: если ему сразу не сообщили всё в деталях, на которых настаивал Малышев, то в ближайшее время его тем более никто и не во что посвящать не станет.

Над столом некоторое время висела напряжённая тишина.

– Да причём здесь ракетные установки? – раздался с другой стороны стола голос Скворцова. – Разве непонятно: мы имеем дело с началом военных действий! Немцы тоже начинали с провокаций.

– Не факт! – моментально отреагировал капитан Еремчук. – Нападение было совершено четыре часа назад. И только на одном участке границы. Остальные-то участки в целости!

– Откуда нам известно, что на одном? – не унимался оппонент, – Это успели сообщить об Уссури. А если на других участках целые казармы вырезали? Да так, что те и сообщить о нападении не успели? А что у нас происходит, товарищ полковник? С наших застав какие-либо сообщения сегодня были?

Скворцов даже не понял, что нанёс прямой удар по Иванову. Действительно, тот ни словом не обмолвился об Амурских заставах. Полковник почувствовал, как холодный пот струйкой спустился от шеи, вдоль позвоночника, к пояснице. Василий Трифонович мысленно выругался: первое, что он действительно должен был сделать, так это проверить сообщения с погранотрядов! Выяснить обстановку на местах. А он растерялся, запаниковал. Кинулся соби-
рать совещание...

– Да, там, вроде, будто всё, пока спокойно. – Растерянно проговорил Иванов. – По крайней мере, штабы погранотрядов ничего плохого не передавали.

– Да в порядке всё! – встрял в разговор Козлов, явно желая поддержать начальство. – Я, перед тем, как идти на совещание, посмотрел сводки. Всё спокойно! Да и если бы что-то у нас случилось, то давно бы об этом знали и без пограничников: местное население бы позаботилось.

– Если бы, да кабы... – сквозь зубы, зло проговорил Еремчук.

– Что вы сказали? – не расслышал Иванов.

Капитан поднялся.

– Я, в отличие от старшего лейтенанта Козлова, с которым вместе прибыл на совещание пять минут назад, к сожалению, не успел ознакомиться с последними сводками. Так, как не знал причину сбора. Потому, предлагаю немедленно связаться со всеми погранотрядами

и заставами, и всё выяснить не по слухам, а от командиров. И связаться не только с нашими заставами, а и с отрядами края.

– Да кто вам такое позволит? – Козлов вскочил с места. – Это прямое нарушение инструкции!

– Ничего, не в первый раз. – Это уже был не намёк со стороны капитана, а прямой выпад. – Выйдем через «Рубин», напрямую. И всё проясним. Их, думаю, тоже волнует, что происходит у нас. А по поводу законности? Да, незаконно. Зато эффективно. Будем владеть информацией через полчаса!

Иванов молчал. Ситуация для него сложилась просто отвратительная. Дать согласие – нарушить инструкцию. Не дать – показать свою неспособность принимать быстрые, волевые решения.

Молчание затянулось.

Малышев не вытерпел первым.

– Старший лейтенант Козлов. После совещания пройдем с вами в помещение связи. Я лично выйду на «Рубин». – Иванов вскинул голову. Майор закончил фразу. – Если вы, товарищ полковник, непротив.

– Действуйте! – облегченно выдохнул Иванов. – И мне докладывать незамедлительно обо всём!

– Так точно! – Малышев повернулся в сторону Еремчука. – Займитесь подготовкой и распределением оперативного состава на заставы.

– Слушаюсь! – Капитан вскинулся. – Разрешите выполнять?

Вопрос, вроде, как относился к Иванову, но все присутствующие понимали: Еремчук обращался к майору. Тот кивнул головой, и офицер, приставив стул к столу, направился к дверям.

– Можете идти! – с запозданием мотнул головой Иванов, и тут же суетливо добавил. – Но докладывать обо всём! Немедленно! Лично! Без промедлений!

Проклов с силой сжал зубы: голос полковника звучал по-бабьи истерично. Или то ему только казалось?

– Товарищ полковник, – снова раздался с противоположной стороны стола голос начальника второго отдела, – а действительно, что сообщает по данному поводу Москва? То есть, какое решение принято в столице?

Иванов несколько секунд медлил с ответом. Подбирал выражения.

– В ЦК и Политбюро, – наконец выдавил он из себя, – сейчас, как раз именно в этот момент, обсуждают данную проблему. Политического решения ещё нет.

«Понятно, – мысленно отреагировал Виктор, – Вот отчего у него постная рожа. Ни тут, ни там, никто толком ничего не знает. А что-то делать нужно! А что, без наличия «политического решения»? О, дилемма! К нам информация, скорее всего, пришла из Хабаровска. С Москвой «боров», наверняка, попробовал связаться, но его, судя по его постной физиономии, послали куда подальше. Вот отсюда и растерянность. А как иначе? Горит место под ним, ой как горит!».

– Хорошо! А как отреагировал на ваше сообщение наш обком партии? – не сдержался, поддел таки, Проклов.

Иванов вынул из-под стола правую руку и нервно провёл ладонью по полированной столешнице, как бы смахивая с неё пыль. А ладошки-то мягкие, невольно, в который раз, отметил про себя Виктор, к физическому труду непривычные. Зато привыкшие девок щупать...

Начальник областного управления быстрым взглядом прошёлся по присутствующим и прокашлялся:

– Степан Степанович, наш первый секретарь, получил сообщение всего полчаса назад. Понятное дело, отреагировать быстро возможности не имел. Но, вынес решение. Обком соберётся завтра, с утра. Именно по данному вопросу. На нём мы обязаны выступить с сообщением

о происшедшем. – Василий Трифонович особенно выделил интонацией слово «мы» и обвёл присутствующих тяжёлым взглядом. – На нас возложена задача проинформировать товарищей, членов обкома партии о сложившейся обстановке. А также высказать собственные соображения по поводу того, как будем действовать в случае агрессивной активности китайцев на нашем секторе границы. Вот так.

Степаном Степановичем именовали первого секретаря Амурского обкома КПСС, товарища Аврамеева.

Проклов склонил голову. А вот и второй удар по начальству. Ещё похуже первого. Москва то далеко, а Аврамеев близко. И ещё неизвестно, как Степан Степанович высветит действия полковника перед Кремлём.

Все молчали. И причина молчанию имелась. Сказать то было что, да только кому? До сих пор Иванов любую инициативу воспринимал в штыки. По началу подчинённые артачились, и пытались хоть как-то сопротивляться деспотической манере поведения начальства, но после смирились: в конце концов, не себе, же самому яму рыть? Так всё само по себе, да по воле руководства и текло. До поры, до времени. И вот то времечко то и настало!

Иванов вторично прокашлялся:

– Если более некому высказаться...

Козлов рывком вскинулся с места:

– Разрешите, товарищ полковник?

– Слушаю.

– Я так думаю, нам следует все силы, а не только оперсостав, как предлагал товарищ майор, всё управление рассредоточить по заставам. Так сказать, усилить нами границу. Особенно, в Благовещенском погранотряде, что находится в черте города. Для подстраховки.

«Идиот, – мысленно проговорил Проклов, – Да нас даже по одному на все заставы области не хватит. И оперативниками «особого отдела» не усиливают заставы. Их отправляют для контроля и поддержания бесперебойной связи с управлением».

– Старший лейтенант Проклов, – неожиданно донёсся голос Иванова, – вы, кажется, не согласны с мнением старшего лейтенанта Козлова?

Заметил, догадался Виктор и медленно поднялся с места.

– Так точно, товарищ полковник, не согласен.

– Поясните, в чём конкретно. – Иванов тяжело откинулся на спинку стула, и с глухим хлопком опустил ладони обеих рук на стол. – Или это так, эмоции?

– Никаких эмоций, товарищ полковник. – Малышев отметил спокойствие в голосе Проклова. Тот, в отличие от Козлова, говорил тихо, словно прокручивал каждое слово в голове, перед тем, как вытолкнуть его на свободу. – Я думаю, нам следует продолжать спокойно вести наблюдение за действиями противника. Именно спокойно. Без проявления активности. Думаю, китайцы от нас в данный момент ждут действий. Конкретных, и активных. Вооружённое нападение на Даманский произошло пять часов назад. За это время противник мог воспользоваться ситуацией внезапности и напасть как на Благовещенск, так и на другие пограничные поселения вдоль всей границы. Ему для подобных действий ничто не мешало. Лёд на Амуре стоит прочный. Однако, судя по всему, со стороны Китая сегодня не было запланировано ни одного движения в нашем секторе. Что, на мой взгляд, даёт основание полагать: на Уссури произошла провокация, а не крупномасштабная операция. А на провокационные действия следует отвечать спокойно и адекватно. Об этом, товарищ полковник, вам и следует доложить на обкоме партии.

– То, что я буду докладывать, позвольте решать мне самому, – Иванов махнул рукой, показывая тем самым, что лейтенант может дальше не продолжать. – У кого ещё какие будут соображения?

– В целом, старший лейтенант прав. – Вновь взял слово Малышев. – На начало военных действий действительно мало похоже. Но и, как тут только что предлагалось, просто сидеть и наблюдать, мы не имеем никакого права. Если не проявим активность, противник решит, что мы спасовали. И тогда дальнейшее развитие событий трудно даже спрогнозировать. Но, и бросить весь состав управления на усиление застав... – Майор с последними словами обернулся к Козлову. – У нас есть обязанности, которые мы должны выполнять. А если кому-то захотелось добыть награду на переднем крае – пишите рапорт. Теперь, по сути. Есть предложение: обратиться за помощью к обкому партии, чтобы к патрулированию в пограничной полосе города и расположенных вблизи от границы населённых пунктов, присоединилось областное управление внутренних дел. Думаю, это будет достаточно эффективно. Военнослужащие из УВД прошли строевую службу, многие из них владеют приёмами рукопашного боя. Все умеют обращаться с оружием. Такое подспорье для пограничников будет только кстати.

– Вот, – Иванов прищурился, но на этот раз не затравленно, как несколько минут назад, а хитровато, и вместе с тем, простовато. – Это уже более – менее приемлемая мысль. И понятная. Думаю, в обкоме её поддержат. Милиция всегда стояла на страже интересов трудящихся. Так, так, – Иванов потёр друг о дружку мягкие ладошки рук, – какие ещё будут соображения? В конце – концов, не одному же Александру Константиновичу сидеть и думать?

Проклов поморщился: это точно, себя «боров» в стан мыслителей никогда не причислял.

Иванов ещё раз окинул взглядом присутствующих:

– Что ж, товарищи офицеры. Коли, пока, нет иных мнений, с этого момента управление переходит на военное, так сказать, положение. Что сие означает, думаю вам объяснять не нужно. О выходных забудьте. Каждый по своим местам. Все свободны! Если будут какие предложения – немедленно докладывайте. Малышев и Проклов, – полковник кивнул в сторону подчинённых, – вас попрошу остаться....

Малышев кивнул Виктору, чтобы тот присел рядом, и, взглянув на начальника, поморщился: из Иванова, судя по всему, никак нельзя было выбить гражданское. Что за фразы: так сказать, сие означает, военное положение... Ёлы – метёлы, – матюкнулся в душе майор, – и кто нами руководит?

13 марта, 1969 года. 11. 56

Глебский вытянул из бокового кармана пальто носовой платок, и, отвернувшись в сторону, высморкался.

– Что произошло после? – не смотря на помеху, продолжал задавать вопросы столичный следователь.

Малышев поёжился. Март. Всего – на всего март, холод на улице ещё тот, зимний.

– Нам, то есть мне и старшему лейтенанту Проклову Иванов приказал продумать план действий партийных и общественных организаций области в условиях сложившейся обстановки. Который Василий Трифонович должен был доложить на следующий день, на заседании обкома партии.

– И что? Послушай, – Глебский встал напротив майора, – Мне что, из тебя каждое слово вытягивать? Словно из немца?

– Плохое сравнение.

– Другого подобрать не успел. Извини. Так что было далее?

– Станный вопрос. Естественно, приказ выполнили. Разработали тот план. А товарищ полковник его, естественно, зачитал на заседании обкома.

– Всё? Вот так просто? Просто разработали, просто доложили.

– А вас что, прислали узнать о плане, или выяснить причины гибели Иванова?

– Молодец! – Андрей Сергеевич шмыгнул носом: и почему поленился выяснить, какая погода в это время года в данной местности? Пальтишко было, явно, предназначено не для такого климата. – Только меня подобными доводами не достанешь, майор. Ты обязан мне помогать? Вот и будем от этого плясать. И запомни. Мне необходима любая деталь, как воздух. Из деталей складывается большое, целое. А нужно это следствию, или нет – после разберёмся. Как говорится, отделим зёрна от плевел.

– Не боишься копаться в грязном белье?

– А что так осторожно высказался? Я покрепче добавлю: мы не в белье копаемся, а роемся в дерьме. Служба у нас такая. – Спокойно отозвался подполковник. – Так, что то был за план?

Майор кивнул на гранитное, невысокое крыльцо, с мощным, дубовым дверным блоком, с левой стороны от которого, на голубом фоне, под стеклом, красовалась информация следующего содержания: «Амурское областное управление внутренних дел»:

– Пришли.

– Вижу. Повторяю вопрос. Что был за план?

– Не понимаю, к чему эта детализация. Она же к смерти Иванова не имеет никакого отношения.

– Товарищ майор, это я буду решать: имеет, или нет. – Глебский мысленно одёрнул себя. Не так нужно общаться с пусть и временно, но исполняющим обязанности руководителя областного управления КГБ. Потому, как ему нужен союзник, а не тормоз в расследовании. Андрей Сергеевич сгладил слова улыбкой, и тут же продолжил, более сдержанным тоном. – Поверь, майор, если подтвердится, что вашего руководителя убили уголовники, и, что самое главное, при нём не было никаких документов, а причина убийства не связана со служебными обязанностями, моя бригада тут же свернёт работу, и вернётся в Москву. Без всяких претензий к кому-либо! Но, до тех пор, пока я такого подтверждения не буду иметь на руках, будем копать! Тщательно, скрупулезно, настойчиво! Вот потому, меня и интересует всё, что происходило с Ивановым. Особенно в последние дни, перед смертью. Итак...

Малышев посмотрел по сторонам, будто оттуда к нему могла подоспеть помощь.

– Вам прямо сейчас и здесь обо всём доложить? Или, может, найдём другое, более пристойное место?

– А чем тебя это не устраивает?

– Холодно.

– А кафе рядом есть?

Малышев отрицательно покачал головой.

Москвич посмотрел по сторонам. Широкая улица. Как гласила вывеска на здании милиции, имени 50-летия октября. Судя по всему, центральная. Культурная. Аккуратная. Редкие авто. Редкие прохожие. А как иначе: рабочий день в разгаре. Невдалеке, через дорогу, виднелось некое пятиэтажное, судя по внешнему виду, фабричное сооружение. Глебский указал на него рукой.

– Это что?

– Швейная фабрика. В народе называют «швейкой». – Неохотно отозвался Малышев.

– В центре города?

– А чем вас фабрика-то не устраивает?

– Меня? Устраивает! Да только погреться нас туда не пустят.

– Может, всё-таки, сначала пообщаемся с милицией? – предложил майор. – Проясним ситуацию. Глядишь, у них что-то новое появилось за последние сутки.

– Слушай, майор, – Глебский по – мальчишески шмыгнул носом, – думаю, ты финтишь. Честно: тогда что, промеж вас, с Ивановым, кошка пробежала?

– Вроде того. – Вынужденно признался Малышев.

– Понятно.

Глебский ещё раз осмотрелся и выдохнул клубом пара:

– Ладно. Пошли к твоему Ларионову.

Андрей Сергеевич протянул руку к медной ручке.

– И ещё один момент, подполковник. – Послышался голос Александра Константиновича, когда они прошли в фойе. – Поговори со своими. По поводу поведения. Я то понимаю: столица, главк, гонор, то, да сё, но... Да другие могут неправильно воспринять.

– Намекаешь на капитана? Ему простительно: молодой, не объезженный.

– Как мягко сказал. Он что, из «папенькиных»? Или, как говорят у нас, «блатных»?

– С чего взял?

– Да так, пришло на ум.

Андрей Сергеевич усмехнулся:

– Не угадал. Хохлов своим горбом всего добивается. Потому и злой. Ладно, поговорю.

Глебский хлопнул по протянутой руке майора, и первым направился к окошку дежурного.

13 марта, 1969 года. 12. 06

Малышев присел на один из стоящих у стены стульев. Глебский расположился напротив начальника областного управления внутренних дел полковника Ларионова. Их разделял письменный стол, на котором находились календарь, чернильница с ручкой, небольшой, металлический, покрытый позолотой, бюстик Ильича, блокнот и тонкая папка, с надписью по центру: «Дело №...».

Начальнику областной милиции приезжий не понравился. Слишком спокойный, открытый. Точнее, как сделал для себя вывод Виктор Андреевич – наглый и хитрый. Ну, как же, столица! Такие, как давно пришёл к выводу полковник милиции, всегда мягко стелют. А после бац – гуляй моя деревня.

Ларионов проводил взглядом руку москвича, которая спрятала во внутренний карман пиджака удостоверение личности. Даже этот жест у столичного следователя полковнику показался, чересчур, скользящим, косящим.

– Как там, в столице? – для затравки разговора, поинтересовался Виктор Андреевич, но Глебский не услышал никакой заинтересованности в голосе Ларионова. Дань традициям, не более.

– Да всё так же. Без перемен.

– Это хорошо.

– От чего хорошо? Что замечательного в том, что нет хороших изменений в жизни?

– Странно, – Ларионов стрельнул в собеседника цепким взглядом. – Вся страна идёт семимильными шагами в светлое будущее, а, по вашим словам, в белокаменной всё плохо.

Глебский мысленно поаплодировал полковнику: ай да милиция, с ходу подцепил. И ответить, главное, нечем.

Ларионов, в свою очередь, открыто улыбнулся, показав Глебскому белые, крепкие зубы. Не курит, неожиданно подумал Андрей Сергеевич. И в глазах хитрость. Плохо. Значит, будет, в лучшем случае, «тормозить» дело. В худшем – «тянуть» на себя.

– Да нет. – Пришлось Глебскому, всё-таки, выходить из ситуации. – За морем, как писал классик, житьё не худо... Но, хотелось бы лучше! Ну, да, что мы о Москве... Давайте перейдём к нашим делам. Нам бы, Виктор Андреевич, узнать, так сказать, из первых уст, на какой стадии находится в данный момент расследование убийства полковника Иванова? Как работает следственная бригада? Есть ли проблемы? Может, помощь какая нужна?

– На какой стадии... – эхом отозвался Ларионов, и слегка нахмурил брови. – Да пока всё на той же.

– А точнее?

– А точнее, будет так. Первая, и пока основная, версия, которую отрабатываем: вашего полковника, то есть, товарища Иванова, убили с целью ограбления.

– Однако, вы не исключаете и иные варианты? – тут же заинтересованно спросил Глебский.

– А как же... – согласился милиционер. – Вторая версия: убийство по личным мотивам. Третья: самая маловероятная. В связи с социальным окружением покойного.

– Это то же самое, что по личным мотивам. – Вставил реплику Андрей Сергеевич.

– Не совсем. К примеру, не вернул крупный долг. Это личный мотив, или социальный?

– То есть?

– Ну, как вам сказать, – протянул Ларионов, и бросил мимолётный взгляд на Малышева. – Скажем, Василий Трифонович кому-то был должен. Или, ему. А отдавать не захотели. Опять же, с пьяным соседом по дому мог поругаться. Слово за слово... Возможно, хоть и маловероятно. Но это так, к примеру. Есть и четвёртая версия.

– А она в чём заключена?

– В служебных обязанностях Василия Трифоновича. Но, данную версию отрабатывать будете вы.

– Понятно. Над второй и третьей работаете? Или только на первой сидите?

– На данный момент, повторюсь, основательно работаем с первой. Для этого имеются основания. Хотя, параллельно, отрабатываем и другие варианты. Вашу версию, естественно, во внимание не принимаем. Но, если вы хотите взять дело на себя... Чужой хлеб забирать не собираемся. У нас не Ростов.

Глебский принял удар: вот оно, то, что шло из столицы по всему Союзу, как тиф, как зараза. Вражда двух ведомств. А началось почти год назад. В шестьдесят восьмом. В Ростове был совершен ряд ограблений, с убийствами. Бандиты, которых в узком кругу прозвали «фантомасами», имели довольно странное оружие, не советского производства, что дало повод предположить, что на территории СССР действует заброшенная с одного из Западных государств диверсионная группа. Именно эти короткоствольные автоматы и стали причиной раздора между ведомствами Щёлокова, то есть милиции, и КГБ Андропова. Делом заинтересовались «наверху». Самые высшие инстанции, ЦК и Политбюро, решали: с кого «снять стружку»? С милиции, за допущение бандитизма на территории Советского Союза, или с госбезопасности, за то, что «проворонила» диверсантов? С Ростова началась «негласная война ведомств». Но тогда было только начало. Продолжение не заставило себя долго ждать. В январе, за два месяца до событий на Даманском, в Москве, в центре столицы, было совершено покушение на космонавтов⁶. Провёл его кадровый офицер, коммунист, который стрелял из табельного оружия. Целью террориста являлся сам Генеральный секретарь ЦК КПСС, но жертвами оказались покорители космоса, которых в этот день встречала Москва. «ЧП»! Да ещё того масштаба! И снова КГБ и МВД «скидывали» вину друг на друга. Именно с того, «чёрного» января противостояние переросло в «тяжёлую фазу».

Глебский достал носовой платок, долго прочищал нос. «Любопытно, – думал он в тот момент, – А что местной милиции известно о «столичных» событиях? Ведь это похлеще Ростова будет».

– Будем считать, хоть в чём-то повезло. – Андрей Сергеевич спрятал платок и смущённо посмотрел на Ларионова.

⁶ Исторический факт. Стреляли в расчёте на то, что в машине едет Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. Однако, под обстрелом оказались покорители космоса.

– А может, прямо сейчас желаете забрать дело? – полковник милиции указал рукой на лежащие на столе бумаги.

– Нет. – Отрицательно покачал головой подполковник. – Зачем же? Убит простой советский человек. – Милиционер поморщился. – Согласен, не простой. Тем не менее, советский человек. А по Конституции у нас все равны. Расследовать подобного рода дела ваша прерогатива. Так что, вам и возжи в руки. Просто, попрошу, – Глебский сделал ударение на последнем слове. – Держать нас в курсе. Сами понимаете... Сколько человек задействовано в расследовании?

– Две группы. По четыре человека. Если понадобится, усилим.

– Каковы результаты на данный момент? – Глебский достал из кармана записную книжку, раскрыл её.

– На данный, как вы выразились, момент известно следующее. – Ларионов перешёл на деловой тон. Теперь он знал, как ему общаться с приезжим. – Полковник Иванов возвращался домой ориентировочно с половины первого до часу ночи. То есть с нуля тридцати до часу.

– Откуда вами взят данный промежуток времени? – тут же поинтересовался москвич.

– Допросили личного водителя Иванова. – Ларионов кивнул на Малышева. – С вашего разрешения. Тот утверждает, привёз Василия Трифоновича к дому в час тридцать – час сорок. На часы в тот момент водитель не посмотрел. Но, утверждает, что именно в этот промежуток времени. Потому, как шофёр проживает на Чайковского. Это езды минут пятнадцать, по скользкой трассе. Плюс, поставить машину. А в час ночи он был уже дома.

Глебский взглянул на майора. Тот утвердительно кивнул.

– Дальше.

– Опять же, со слов вашего водителя, у Василия Трифоновича имелась привычка: перед тем, как следовать домой, побродить возле дома. Подышать, так сказать, свежим воздухом.

– Мне об этом сообщили. Но в час ночи?

– А почему бы и нет? – Ларионов повёл плечами. – Погода хорошая. Воздух – прелесть! Кислорода – хоть ложками ешь! Я и сам обожаю, после почти суточного заточения в кабинете, постоять на морозе.

– Ладно, это лирика. Предположим, постоял, подышал. А после? Иванов вошёл в свой подъезд?

– В том то и дело, что войти не успел. – Ларионов встал, и прошёл к шкафу. – Чай? Кофе?

– Кофе, пожалуйста.

Малышев тоже согласился на кофейный напиток.

– То есть, – ухватился за последнюю фразу милиционера Глебский. – полковника убили на улице? Перед входными дверьми?

– Совершенно верно. Правда, когда мы прибыли на место преступления, тело Иванова лежало в подъезде. Сосед по площадке, что утром шёл на работу, первым наткнулся на Василия Трифоновича. Затащил в тепло. Поначалу, решил, что Иванов ещё жив. После позвонил нам и в «неотложку».

– В котором часу сосед обнаружил тело? – сделал уточнение подполковник.

– На рассвете. В половине шестого.

– Получается, Иванов пролежал на улице всю ночь?

– Выходит, так.

– И никто из прохожих его не видел?

– Никто.

– Вам не кажется это странным?

– Нет. Не кажется.

– Василий Трифонович проживал в последнем подъезде от дороги. Это метров пятьдесят. – Неожиданно произнёс Малышев. – К тому же, перед входом разросся густой кустарник. Он то, судя по всему, и скрыл тело от прохожих.

– А заодно и преступника, от самого Иванова. Если тот, конечно, его специально ждал, а не наткнулся случайно на свою жертву. – Добавил Ларионов, расставляя чашки.

– А если прохожие всё-таки были, да прошли стороной? – сделал предположение Глебский, протягивая руку за чашкой. – Подумали, пьяный лежит. Не захотели пачкаться.

– Отпадает. – Уверенно замотал головой милиционер, размешивая в своём, личном стакане, торчавшем из серебряного подстаканника, сахар. – У нас такое не принято. Морозы сами видите, какие. Если кто пьяного обнаружит, сразу в тепло тащит. Мы на зимние праздники даже в «обезьянник» не сажаем. По домам развозим. Но штрафы, понятное дело, выписываем, на работу сообщаем, чин – чинарём.

– Неплохой сервис. – Глебский с усердием подул на напиток.

– У нас иначе, как по человечески, нельзя. – Отозвался милиционер. – Восток!

Глебский услышал иронию в голосе Ларионова и решил вернуться к прежней теме:

– А вы как думаете: убийца ждал? Или то была случайная встреча? – подполковник обхватил чашку руками, покрепче, так, чтобы через руки тепло ушло в тело.

– Судя по всему, встретились они случайно. Если бы убийца ждал Иванова, то прятаться за кустами долго не смог. В тот день морозец стоял знатный. Почти под тридцать. Последнее, так сказать, дыхание зимы.

– А без лирики?

– Без лирики, товарищ подполковник, на таком морозе, без тулупа да валенок и полчаса не продержишься.

– Он мог ждать и в таком обмундировании.

– Мог. – Согласился Ларионов. – Только в такой одежде драться с тяжеловесом Ивановым было бы очень несподручно.

– А они дрались? – тут же ухватился за последние слова милиционера Глебский.

– Трудно ответить однозначно. Но, один удар, по результатам медэкспертизы, произведён был.

– По темечку?

– В челюсть. А версию с ожиданием отрабатываем: в данный момент опрашиваем округу, соседей, жильцов из соседних подъездов может, кто и видел одетую в подобный наряд личность в указанное время.

– А ждать в подъезде убийца мог? – сделал предположение москвич.

– Нет. – Ларионов отрицательно качнул головой. – Жилец первого этажа, из шестьдесят второй квартиры, в полночь выходил на лестничную площадку, покурить. Курил минут десять. Утверждает, никого постороннего не видел.

– А если убийца зашёл сразу после курильщика?

– В таком случае, он должен был знать точное время возвращения полковника Иванова. Что, как понимаете, автоматически означает: вы должны забрать у меня дело. Итак?

Глебский потёр переносицу.

– Пока никак. Будем исходить из ваших вариантов. Предположим, убийца, и убитый случайно столкнулись возле подъезда...

– Думаю, так. – Ларионов понял, что от него ждут продолжения. – Мы обследовали место преступления. Сплошной лёд. Иванов шёл к своему подъезду со стороны Ломоносова. Убийца же появился либо из-за угла дома, либо, по версии ожидания, из-за куста. Но, скорее всего, из-за угла. Теперь по поводу удара. Подъезд последний, а потому расстояние от места, где Иванов покинул машину, до подъезда, составляет не пятьдесят, а ровно шестьдесят восемь метров пути. Иванов дошёл до дверей, столкнулся с убийцей. Исходя из слов соседа, что обнаружил

труп, покойник лежал в метре от двери, между двумя скамейками, головой к дому. Что тоже говорит за версию о том, что убийца не ждал в подъезде. Предполагаю, Василий Трифонович прошёл по дорожке, вдоль дома, завернул к своему подъезду, сделал несколько шагов между скамеек, и в этот момент его окликнули. Он развернулся. Что произошло между убитым и убийцей, пока нам неизвестно. Но знаем одно: как утверждает медэксперт, убийца нанёс Иванову удар по лицу, в левую челюсть. Удар был настолько сильным, что Василий Трифонович откинулся на спину, поскользнулся, упал, ударился головой об лёд, потерял сознание. Преступник, тем временем, «обшмонал» его, и «сделал ноги».

– Пойдите, – Глебский с недоумением посмотрел сначала на Ларионова, потом на Малышева. – Вы же утверждали, будто Иванова ударили по голове тяжёлым, твёрдым предметом?

– Мы так думали первоначально. – Ларионов с шумом отхлебнул из чашки. – Вчера медэкспертиза провела полное обследование тела, а мы, в свою очередь, более детально исследовали место преступления. Вывод один: Иванову нанесли один удар, в челюсть, – милиционер раскрыл папку, вынул из неё исписанный лист, протянул его подполковнику, – Вот данные экспертов. После чего Василий Трифонович упал, при падении ударился затылком о ледяную поверхность. В результате чего потерял сознание.

– И какова причина смерти? – Глебский просмотрел лист и вернул его милиционеру.

– Переохлаждение. – Ларионов спрятал документ в папку. – Василий Трифонович элементарно замёрз.

– Да, интересный ход событий. – Глебский положил чайную ложку в чашку и принялся размешивать остывающий напиток. – Значит, Василий Трифонович замёрз... А если его ограбил не убийца? А случайный прохожий? Шёл мимо, смотрит – лежит тело. Взял портфель, обыскал и был таков.

– И над этим думали. Потому бригада, что обходит дом Иванова и близстоящие строения опрашивает население на предмет того, видел ли кто-нибудь прохожих в ту ночь, до пяти тридцати утра. То есть, до момента обнаружения тела.

– А что жена Иванова?

– Анастасия Кузьминична? Уехала. – Вместо Ларионова ответил Малышев. – Домой. В Ленинград.

– Давно?

– Второго марта.

– То есть... – Глебский вскинул брови. – А ей сообщили о смерти мужа? – подполковник повернулся в сторону Ларионова.

– Да. Завтра утром пролетает, московским рейсом.

Совпадение, подумал Глебский, или Иванов специально отправил жену второго марта, в день провокации? Нужно выяснить.

– Квартиру покойного осматривали? – поинтересовался Андрей Сергеевич у Ларионова

– Нет. Решили произвести осмотр по приезду хозяйки. И в вашем присутствии. Чтобы после не было претензий. Входную дверь опечатали. Завтра в девять, когда Иванова прилетит, встретим, оттуда в морг, на опознание. После, к нам, в управление. На всякий случай вызову врача. В половину одиннадцатого будем на Пионерской. В какой из этих этапов пожелаете подключиться, решайте сами.

– Зачем сразу в морг?

– А какая разница? О том, что Василий Трифонович убит, она уже знает. А оттягивать... Не вижу смысла.

Над столом нависла гнетущая тишина. Только было слышно, как тикают настенные часы, да ложка в чашке Глебского постоянно постукивала о тонкие стенки стакана.

– Виктор Андреевич, – москвич оставил напиток в покое и двумя пальцами потёр кончик уха, – ещё такой вопрос. Убийца, как вы выразились, «общмонал» Иванова полностью? Или что-то оставил? Не заметили, случаем, каких-либо несоответствий?

– Несоответствий? – милиционер встал, провёл пальцами по пуговицам кителя. – Хорошее словцо: несоответствия. Только не для данного случая. Как это ни странно, но кое-что непонятное имеется. Но, это желательно увидеть. Если не против, давайте проедем в морг.

Из дневника сотрудника Амурского областного управления Государственной безопасности старшего лейтенанта Проклова В. В.

26 октября, 1966 года.

«... и взял со стола солёный огурец. Они у Александра Олеговича знатные: хрусткие, с перчиком. Можно ведро съесть в один присест. Чем мы с Мишкой, собственно, и занимаемся.

Мишка – художник. Картины пишет – залюбуешься. Природа. Архитектура города. Несколько картин на непонятную для меня тематику, что-то из фантастики. Я фантастику не люблю. А, может, не понимаю, что, скорее всего. И ещё одно: Мишка безбожно пьёт. Утром ещё держится, а к вечеру едва на ватных ногах стоит. Впрочем, слава богу, на окружающих его состояние никак не отражается.

К Александру Олеговичу меня поселили временно. Точнее, не поселили. В общежитии жить не захотел, а потому майор Малышев нашёл мне, пока не выдадут ордер на квартиру, временное жильё, в частном секторе, или, как здесь говорят, «на земле». Новый адрес мой теперь таков: Благовещенск, улица Ломоносова, 187. Небольшой деревянный дом, с печным отоплением, и хозяином – пенсионером, преподавателем педагогического института Беловым Александром Олеговичем, а также с вышеуказанным постояльцем Мишкой Струмилиным.

И хозяин, и художник есть личности колоритные. Александр Олегович вид имеет профессорский, даже когда ходит с лейкой по огороду, в майке, и трусах. Тонкие усики, борода, как у Чингиз-хана. На носу очки, в дорогой, металлической оправе. Жилистые руки, с узкими кистями, и «музыкальными» пальцами. Говорит Олег Александрович так, что заслушаешься. Встретишь его в городе, в стильном костюме, и никак не соотнесёшь такого галантного мужчину с огородом, печью и сортиром на улице. Ему бы жить, как минимум, в «пятиэтажке – хрущёвке», со всеми благами цивилизации и личным кабинетом, а не ютиться в этой халупе.

Мишка полная противоположность нашему хозяину. Про него можно сказать одной фразой: не от мира сего. Когда я неделю назад въехал на Ломоносова, он ещё был только «под хмельком», а потому помог перенести чемодан, показал комнату, в которой стояли кровать и комод, и тут же предложил отметить новоселье. Когда я отказался, он хмыкнул, окинул взором мою военную форму и произнёс:

– Ещё один бульдозер! – после чего сплюнул прямо на пол и ушёл.

Вечером, когда Мишка надрался, как свинья, и спал в сенцах (так здесь называют деревянную, с окнами, летнюю пристройку), Александр Олегович пояснил мне, что означает «бульдозер».

– Миша учился в Суриковском училище. – Как бы, извинялся за постояльца хозяин. – Талант. Сами вскоре убедитесь. Но, максималист. За что и пострадал. Принимал участие в какой-то выставке,ставлял свои картины. Но нашему бывшему генеральному секретарю, творения Миши и иных миромазцев не понравились. Выставку разогнали. Она проходила на улице. Вот её милиция, с помощью строительной техники, и ликвидировала. Мишины работы пропали под колёсами грузовика. Спасти не смог. А через полгода его обвинили в тунеядстве, выселили из столицы. Так он попал к нам. Не обижайтесь. Миша, с тех пор, всех военных «бульдозерами» называет. Думаю, вы подружитесь.

Я понял, о какой выставке рассказывал Александр Олегович. Сам на ней не был, но Москва, в ту пору, полнилась разными слухами. Особенно о том, как бульдозерами разметали маленькую площадку, возле Манежа, на которой молодые, малоизвестные художники и скульпторы выставили свои творения. Особенно жарко это событие обговаривалось в студенческих общагах. Болтали о многом, но толком никто ничего не знал. Думаю, слухов было больше, чем того выставка заслуживала. Но сам факт.... И ещё, среди нашей братии, гуляло странное имя «Эрнст Неизвестный». Бродило, словно молодое вино, в умах моих одноклассников.

Вот так мы познакомились. Дядя Саша, как я теперь называю Александра Олеговича, оказался прав. С Мишкой мы сдружились. Возраст Александра Олеговича, и Мишкины «закиды» мне помехой не стали. Сжились. Правда, с тех пор Мишка меня иначе, как «Бульдозером», ни кличет. Да и бог с ним.

Почему я решил описать в дневнике именно сегодняшний день, а не вчерашний? Или, к примеру, позавчерашний? Не знаю. Просто настроение сегодня было какое-то необычное.

Хотя, нет. Причина в ином.

Сегодня мы, нашей маленькой, мужской компанией, ходили в баню. Решили попариться. После, выпили по две кружки «Жигулёвского». Настроение приподнялось. Особенно, у Мишки. А Александр Олегович, когда возвращались домой, вдруг принялся читать стихи. Как он выразился: «вирши его младости».

Синь льда, блеск солнца, свежесть снега,
Куёт морозный воздух сталь,
От санок радостного бега
В душе крутится чувств спираль.

Так хорошо! Река – как чудо!
В душе поёт весенний хор:
Аквамариновую грудю
Разрубит солнечный топор.

Пока же шестик беспощадный
Лёд режет, точно каравай,
Глотая резкий воздух жадно
Китаец мчит «тяни – толкай».

– А что такое, «тяни-толкай»? – поинтересовался Мишка.

Дядя Саша ответил, что не знает. А меня заинтересовало другое.

– А чьи стихи? – воскресный день близился к вечеру, похолодало. Пиво слегка дурманило голову. Стихи казались некоей туманной реальностью.

– Не помню. Одного из наших доморощенных, амурских поэтов, то ли тридцатых годов, то ли сороковых. – Дядя Саша с деланной искренностью выдохнул последние слова, но я то знал, он сказал неправду. Потому, как эти строки мне довелось слышать раньше, в Москве. Из уст папы. И, как я помнил, они принадлежали не амурскому поэту. А харбинскому. Дядя Саша преподавал литературу, и такие мелочи, как имя поэта, чьи строки ему так нравились, должен был помнить.

Сначала меня охватила обида от того, что он от меня что-то скрывает. Но пока мы шли по 50 – лет, потом перешли мост, через загаженную, заваленную мусором, Бурхановку, зашли в молочный магазин, отстояли очередь за сметаной и творогом, я поменял и мнение и настроение. В конце концов, почему дядя Саша должен мне о себе рассказывать? Его жизнь – это его жизнь. И я не имею права в неё вгрызаться со своим любопытством. Если захочет, сам, когда

– нибудь, откроется. А соврал? Так это, скорее всего, своеобразная форма защиты личного, о котором старик не хотел никому говорить. По крайней мере, сейчас. Нечто такое, что живёт в нём постоянно. И, может так статья, держит его в этом мире. Каждый из нас имеет своё «ТАКОЕ». О котором молчит, потому, что ТО его, и только его. И никто не имеет права лезть в душу, тем более, ковыряться в ней. Может, я сейчас пишу нервно, неточно оформляю мысли, но пишу о том, что чувствую. И что почувствовал, когда мы три часа назад шли из бани.

Помнится, мы, некоторое время, шли молча. А потом, в один момент, я не сдержался и спросил:

– Дядя Саша, а вы в Китае бывали?

– С чего это вдруг тебя заинтересовало? – откликнулся он.

– Да так. Всё-таки, столько лет живёте на границе. Рядом с Китаем. А что такое «тяни-толкай» не знаете.

– Ну и что? – Александр Олегович в тот миг улыбнулся. – Есть москвичи, которые понятия не имеют, где находится Собор Василия Блаженного. И ничего, живут. Для них главное знать, где расположен ГУМ. А стихотворение... Может, автор придумал своё слово. Как Маяковский. Для рифмы. А может, действительно когда-то было нечто такое, что нужно было толкать, вроде санок. Не знаю. В Китае то побывать мне не удалось. Когда имелась возможность, случая не выпадало. А теперь нет ни случая, ни возможности.

– Да ладно вам. – Вмешался в разговор Мишка. Глаза его блестели: пока мы стояли за молоком, он успел сгонять на автобусе на Высокую, за чекушкой. – Что там, в том Китае, интересного? Посмотришь на тот берег, так с души воротит: и как люди могут так жить? Не жизнь, а выживание. Полная голодуха. В Китае интересно было бы побывать лет, эдак, сто назад. А сейчас...

Мишка махнул рукой.

Мой новый друг газет не читает. Радио слушает только тогда, когда его включаем либо я, либо дядя Саша. А потому, точных сведений о Китае знать не может. Но наблюдательный глаз художника делает безошибочные выводы. По данным, которые проходили через «контору», было известно, только в прошлом году в нескольких центральных провинциях КНР вымерло от голода и холода около трёх миллионов человек. Правительство Китая тщательно скрывало информацию, а потому данная цифра была приблизительна. Хотя и она шокировала.

Странно. Китай – страна с глубокой и интересной историей, и тут такое... Хотя, с другой стороны, у нас ведь тоже было нечто подобное. Стоп! Дальше писать нельзя. Эдак, можно до таких вещей добраться, мозги поплывут.

Сегодня решил спать в сенцах. Хоть и холодно, зато сон хороший. Дядя Саша, для таких случаев, специально установил старый, продавленный диван, на котором без толстого матраса спать просто невозможно. Рядом с диваном стоит самодельный стол. За ним я сейчас и сижу. На плечах плед. В правой руке – ручка, в левой – огурец. Странная, но такая приятная комбинация.

Жалею ли я о том, что приехал сюда? Да. Но не потому, что в Москве больше перспектив, шансов, возможностей. Просто, здесь я чужой. Благовещенск крайне отличается от столицы. Да и не только от неё.

Город живёт равномерной, спокойной жизнью. Здесь не «летят» утром на работу, и не несутся со всех ног вечером домой. Из одного конца города в другой, на автобусе можно добраться за полчаса. А потому, в шесть часов все находятся по домам, в то время, как в Москве в этот час только толкнутся на остановках. Вечерами на набережной, до которой от моего дома ходьбы минут сорок, собирается, чуть ли не вся молодёжь города. По выходным все идут в парк. Именно идут, а не бегут. И разговаривают на Востоке как-то не торопясь, не жуя в спешке слова. Между «привет» и «пока» укладывается длинный диалог, минут на пять, а не

как у нас, в лучшем случае, три фразы. Здесь практически нет криминала, потому, как город пограничный, закрытый. Ночью можно спокойно бродить по тихим улицам, без особой опаски.

Но именно этого, то есть суеты и стремительного течения жизни мне и не хватает. Не могу сказать, будто в Москве я бурно проводил вечера, но чтобы вот так, как здесь... Вечером, если нет дежурства, прихожу домой, и в моём распоряжении только книги хозяина, благо их в изрядном количестве, радио да Мишкины впечатления. Не так уж много. За три недели, что я проживаю в Благовещенске, всё это начинает надоедать.

Я не являюсь поклонником столичной жизни. И на Дальний Восток ехал с определённой целью. Но, судя по всему, мои надежды не сбудутся. Прибыл сюда с одной надеждой: как можно глубже изучить жизнь Китая. Находясь, если уж не в нём самом, то, хотя бы, рядом с ним. И где же его, как я считал, можно глубоко изучить, как не на самой границе? Но мне пришлось разочароваться. Благовещенцы знают о Китае столько же, сколько и москвичи. Обыкновенный советский город, хоть и на границе. Рассчитывал, в управлении накоплю знания по Китаю, работая с перебежчиками, а меня определили в «особый отдел», основная задача которого заключается в надзоре за деятельностью воинских частей и погранотрядов. Бред! Неужели я все пять лет так и буду мотаться с одной заставы на другую, писать рапорты, проверять деятельность «осо», между делом, пить водку и жрать рыбу? Разве для этого я окончил институт Востоковедения? Бред!

Странно. Начинал писать в одном настроении, заканчиваю совсем в ином. Вот что значит, результат самокопания. Или, точнее сказать, самоковыряния. Ну, да ничего. Я здесь не навечно. Всего на пять лет. А может, не на пять?»

13 марта, 1969 года. 13. 22

Тело Василия Трифоновича Иванова, накрытое простынёй, большой глыбой, лежало на каталке. От него тошнотворно несло формалином. А вот трупного запаха слышно не было. Видимо, хранят в холодильнике, подумал Глебский и тут же чертыхнулся: какой холодильник, когда на улице минус двадцать. Вывези в помещение без отопления, и все дела.

Ларионов, тем временем, натянул резиновые перчатки, протянутые ему санитаром, откинул простынь, открыв голое тело бывшего руководителя управления безопасности, и приподнял правую руку покойника.

– Вот, смотрите, ради чего я вас привёз.

Глебский приблизился к полковнику.

Малышев наблюдал с противоположной стороны каталки. Он сразу отметил, как изменились черты лица Василия Трифоновича. Некогда розовые, полные щёки Иванова впали, кожа приобрела характерный для мертвеца землянистый цвет, словно тело готовилось к погружению в почву.

Милиционер, тем временем, держал кисть руки убитого, чуть отстранив её от себя. Брезгует? – подумал Андрей Сергеевич, но тут же догадался: Ларионов привлекает его внимание к объекту.

– Смотрите. – Александр Константинович слегка повернул кисть, так, чтобы свет упал именно на то место, которое заинтересовало следователя. – На безымянном пальце покойного имеется обручальное кольцо. Его убийца не снял.

– Не смог стянуть. – Выдвинул предположение Малышев.

Ларионов отрицательно покачал головой.

– Мы тоже так поначалу думали. – Пальцы начальника УВД ухватились за золотой обруч и потянули его. – Однако, как видите, кольцо очень даже легко соскальзывает с пальца... Оно не вросло, как это случается с теми, кто носит украшения постоянно, не снимая. А Василий

Трифонович частенько ходил без него. Товарищ майор, – Ларионов посмотрел на Малышева, – Я так полагаю, вы об этом должны знать.

Майору ничего не оставалось, как утвердительно промолчать.

Глебский повернулся в сторону Александра Константиновича.

– На что намекаете? – Андрей Сергеевич внимательно осмотрел кольцо, вернул его Ларионову.

– На личную жизнь покойного. – Кольцо вернулось на палец усопшего.

– Он что, подгуливал? – догадался Глебский.

На этот раз ответ подполковник ждал от Малышева, но тот снова предпочёл промолчать.

– И ещё как подгуливал! – отозвался, вместо майора, Ларионов. – Вы к нам из столицы кобеля прислали первостатейного. Кстати, это одна из рабочих версий. Если помните, вторая. Теперь смотрите сюда. – Милиционер опустил руку, после чего приподнял левой рукой голову покойника, а жестами правой принялся сопровождать следующее сообщение. – Видите, гематома на правой скуле. Других кровоподтёков нет. Удар был нанесён один. Теперь смотрите на затылочную часть. Череп проломлен. В результате удара о твёрдую поверхность.

– А если убийц было двое? Или, убийца сначала нанёс удар по лицу, а после, твёрдым предметом по затылку? – упорствовал Глебский.

– Исключено! Эксперты в ране не обнаружили никаких следов посторонних предметов, кроме остатков ледяной поверхности асфальта. Да и характер раны говорит о том, что череп товарища полковника был повреждён во время падения. Результат отвратительной работы дворников. Убрали бы во время лёд, может, остался жив. – Ларионов накрыл тело простынёй. – Всё говорит о непреднамеренном убийстве. Случайность.

– А ограбление?

– Вот с этим сложнее. Если бы не кольцо, то можно было бы с уверенностью сказать, что всё-таки имела место попытка завладеть ценностями. Иванов, предположим, оказал сопротивление. В результате, грабитель применил силу, скажем, для устрашения, да перестарался. Но кольцо... Не в тему оно. Вторая версия. Муж – рогоносец. Для Василия Трифоновича вполне подходит. Но, в таком случае, убийца – полный кретин. – добавил Ларионов. – Одно дело – непреднамеренное. И совсем другое – с целью ограбления. Тянет на максимальный срок, а то и на «вышку».

– Рассчитывал на безнаказанность.

– Может быть... Идём?

– Подождите.

Глебский снова откинул простыню и внимательно осмотрел голову покойного.

– Да, действительно, гематома только с одной стороны лица. А руки?

– Обморожены. – Ларионов развернул ладони покойного. – Вот, смотрите.

– Я не о том. – Подполковник склонился над телом.

– Если вы об ответном ударе... На костяшках рук нет ни единой ссадины.

Глебский выпрямился. Простыня вернулась на прежнее место.

– Будем продолжать беседу здесь, или выйдем в коридор? – Поинтересовался милиционер.

– Лучше на улицу. – Подполковник первым двинулся к дверям.

На свежем воздухе Малышев и Ларионов закурили.

– Нет, конечно, версия с бабами сама по себе любопытна. Только я больше придерживаюсь мнения: Трифоновича убили при попытке ограбления. – Первым начал говорить милиционер.

– Почему думаете, что версия с ограблением наиболее вероятная? – выдохнул, вместе с паром, Андрей Сергеевич, обращаясь к Ларионову. Он с завистью смотрел на сигарету в пальцах следователя. – Вы же сами, только что, говорили о кольце?

– Говорил. – Согласился Ларионов. – Одно другому не мешает. А что, если убийца побрезговал? Или, у преступника имелись свои, личные, так сказать, мотивы не трогать кольцо?

– Может и так. – Поёжился от пронизывающего холода Глебский, и тут же возразил. – Только это не входит в логику грабителя. Давайте, поставим себя на место преступника. У лежащего без сознания человека он забирает портфель, бумажник, снимает с руки часы, выворачивают карманы, а золотое украшение, бросающееся в глаза, даже не пытается стянуть с пальца. Странно, не правда ли? И это притом, – продолжал свою мысль Андрей Сергеевич, – что маленькое колечко очень легко спрятать. После чего можно официально сдать в ювелирный магазин и получить живые деньги. Кольцо обыкновенное, ничем не примечательное. Штамповка. Серийного номера на нём нет. За него можно без всякого волнения получить, причём, законно, рублей восемьдесят. Без всякого нервного напряжения. Однако, побрезговали. Чистыми деньгами побрезговали. Зато взяли портфель, немецкого производства, каковых, как мне сообщили, в городе, более как у Василия Трифоновича, ни у кого не было. И часы, которые в ваши магазины никогда не завозили. Встаёт вопрос: кому, в таком случае, убийца хотел или хочет сбавить эти приметные вещицы? Кто их возьмёт? Ответ: никто! Ну, часы ладно. Они небольшие. Спрятал в карман, и аминь. А портфель?

– Не смог открыть замки. – Выдвинул версию Ларионов.

– Зачем открывать? Рванул клапан, вынул, что нужно, и будь здоров! Так нет же, поволок с собой. Для чего? Ради балыка? – задумчиво проговорил Андрей Сергеевич.

– Откуда вам известно, что у покойника лежало в портфеле?

– В буфете управления в тот день продавали балык.

– Неплохо вас харчуют. – С иронией в голосе, заметил Ларионов. На Новый Год полковник с трудом смог достать дополнительный килограмм варёной колбасы, к «талонному» килограмму, отстояв два часа в очереди, и две банки прибалтийских шпрот. А тут такая роскошь. – Может вам также известно, сколько у Иванова могло быть денег в кошельке? Не подскажите?

– Не более пятидесяти рублей. – Механически, думая о чём-то своём, ответил за московского следователя Малышев. Глебский поморщился: и зачем майор вылез.

– Приличная сумма.

– А за кольцо могли взять больше. – Тут же добавил москвич. – Но, отчего-то позарились на меньшее. Опять же, про брезгливость. Часы то с руки стянуть не побрезговали!

– Что вы хотите. – Ларионов прикурил вторую сигарету от первой, а окурочок щелчком отбросил в сторону. – Швейцария!

– «Сейко». – Снова вмешался Малышев, не заметив недовольного взгляда москвича. – Живые деньги. Рублей пятьсот.

Глебский резко повернулся в сторону Малышева.

– У Иванова много баб было?

Майор вздрогнул: такого вопроса он никак не ожидал.

– Понятия не имею! Хотя, скорее всего, имелись.

– Замужние среди них были?

– Не интересовался.

– Со службы никого в постель не затягивал?

– Да... Не знаю... Слухи ходили, а так...

– А вас не смущает, что я рядом стою, и всё слышу? – Милиционер поправил на голове шапку, от чего весь его облик принял мальчишеский вид.

– Нисколько. Всё, о чём сейчас говорится, в интересах дела. Тем более, как я понял, о личной жизни покойного вы и так хорошо осведомлены. Хотя, – тут же поправился Глебский, – Виктор Андреевич, вы же понимаете: всё что говорится между нами, не должно выходить наружу.

– Без проблем! – Ларионов отбросил второй окурок, натянул на руки перчатки, – О дальнейшем продвижении дела буду вам сообщать лично. Контактные телефоны имеются. Но и вы уж нас не забывайте, товарищ подполковник. Если что найдёте по своей части, звоните. Заезжайте. Потому, как не хотелось бы задаром «тянуть пустышку».

Ларионов уехал первым. На своём милицейском «бобике».

Глебский с Малышевым остались стоять у входа в морг.

– Что скажешь, Александр Константинович?

Майор вновь потянулся за сигаретами.

– Странно всё это. Убить из-за бабы... простите, женщины. Неправдоподобно.

– От чего ж? – Глебский с завистью посмотрел на пачку. – Жизнь – вещь разноплановая. В ней всякое случается. И преступление из-за женщины не такая уж редкая вещь. Разве что в вашем городе такого не случалось.

– Наверняка случалось. Драки были. Или морду кому били. Особенно молодняк. Но там понятно. А чтобы убить начальника управления КГБ из-за ревности... Верится с трудом.

– Ты же видел результаты экспертизы. Иванова ударили по лицу. Скончался от переохлаждения. Несчастный, можно сказать, случай.

– И ты веришь этому?

– А почему бы и не поверить? К тому же, это в наших интересах, чтобы он погиб по этой причине. Или в результате ограбления. А не по какой-либо иной. Какой, надеюсь, понимаешь?

Малышев глубоко затянулся дымом и с силой выпустил его из лёгких.

– Интересно, что бы со мной сделали, если бы я из ревности, ударил по морде Иванова?

– Не понял!

– А что сделали бы с тобой, если бы ты оскорбил Юрия Владимировича? А? Пусть даже с глазу на глаз. Без свидетелей!

– Не пойму, к чему клонишь?

– А к тому, что результат был бы идентичен. И тебя, и меня бы разжаловали, сослали, к чёртовой матери, в тьму-таракань, а после сгноили в каком-нибудь болоте. – Окурок чёрным пятнышком упал в снег. – Тот, кто ударил Иванова, должен был осознавать последствия своего поступка. А потому вывод: сотрудник управления на такой бы шаг не пошёл. Даже ради женщины.

– А если начальник зарвался? И сотрудник не выдержал? Сорвался? А когда увидел содеянное, замаскировал срыв под ограбление?

– Всё равно, предохранители, как говорится, должны были сработать. Для того, чтобы так поступить, нужно родиться Отелло, с рубашкой на распашку. А я таких в нашем управлении до сих пор не наблюдал. Это по поводу вопросов о личных отношениях Василия Трифоновича на службе.

– Намекаешь на то, чтобы я не копал в вашей «конторе»? Боишься, как бы грязь не полезла?

– В нашей «конторе», товарищ подполковник. В нашей. – Они вернулись к машине, вызванной из управления, и Малышев потянулся к ручке дверцы. – Не нужно нас разъединять. Делаем одно дело. Только на разных уровнях. А потому, если даже, благодаря присланному из столицы Василию Трифоновичу, мы где-то и замазались, то, прости за сравнение, в говне будем все.

Малышев специально отметил интонацией слова, о том, что Иванова прислали из Москвы. Глебский намёк понял.

– Не боязно такие слова говорить проверяющему?

– А ты не проверяющий. А я не проверяемый. Хотя и временно исполняю обязанности начальника управления. Так что, извини, буду высказываться так, как считаю необходимым. Сам же просил.

– Это ты правильно заметил, – тут же ухватился за слова майора Андрей Сергеевич. – То, что исполняешь обязанности временно.

Малышев уже, было, приоткрыл дверцу авто, но после этих слов тут же её захлопнул.

– А ты меня не пугай, подполковник. Мы, местные, пуганные. И не такими, как ты. Думаешь, вернёшься в столицу и сможешь так отрапортовать, что меня ещё дальше сошлют? Ведь так? Только одно учти: мне до отставки всего четыре года осталось, так что как-нибудь перекантуюсь. Полковником всё едино не быть. А подполковника, дай бог, перед пенсией кинут. Так что, переживу. – Малышев снова взялся за ручку, но тут же снова обернулся. – Поступай, как знаешь, Андрей Сергеевич. Твоё право. Только, прежде, чем начнёшь ворошить муравейник, а я так думаю, начнёшь, созвонись с Москвой, и получи, на всякий случай, разрешение. Подстрахуйся. А то ведь всякое может случиться! У Иванова, даже мёртвого, связи в столице, наверняка, остались. Мне-то лично всё равно, а вот у тебя могут возникнуть неприятности.

В машине всю дорогу молчали. Но когда зашли в кабинет и сели друг напротив друга, Глебский жёстко проговорил выношенный долгим молчанием ответ:

– Спасибо за совет! Только я привык действовать самостоятельно. И буду так действовать впредь. По поводу рапорта скажу одно: буду объективен. Насколько возможно. Большого от меня не жди! Скрывать ничего не стану, но и покрывать никого не буду! А теперь, давай пить кофе. Заодно, расскажешь, как прошло то заседание обкома партии, о котором недавно говорил. Желательно, во всех подробностях и деталях.... Ну, чего смотришь? Сам же обещал.

Ретроспектива. 3 марта, 1969 года.

Степан Степанович Аврамеев, первый секретарь Амурского обкома партии, из-под лобья, хмуро смотрел на медленно собирающихся членов обкома. Сегодняшнее заседание было созвано в экстренном порядке. Все члены обкома добраться в указанное время, до начала заседания, наверняка, не успеют. Особенно из дальних районов области. Потому придётся часть информации сообщать вторично.

Степан Степанович тяжело вздохнул: а что поделаешь?

Наконец, зал на две четверти заполнился людьми.

Аврамеев поднялся на сцену, прошёл в президиум, занял своё излюбленное, постоянное место, под портретом Ленина, разложил на столе бумаги.

Время шло. В зале, потихоньку, между собой переговаривались делегаты, искоса поглядывая на «первого». С обеих сторон от Аврамеева расположились секретарь Благовещенского горкома Сыроватенко, руководитель Тындинского райкома Глушков, начальники областных управлений УВД и КГБ, трое членов обкома партии из Магдагачинского и Зейского районов. А Степан Степанович всё молчал. Он не знал, с чего начать. А начинать следовало.

Аврамеев ещё раз просмотрел телеграмму. Мысленно выругался. Если бы ЦК промолчало, как и раньше, никак не отреагировало на происшедшее, или отреагировало, но, только наверху, то он бы как-то справился с ситуацией на месте. Самостоятельно. Ну, пошли бы слухи, да и бог с ними. Пресекли, впервые, что ли... Вон, в Сковородинском районе в прошлом году, по осени тоже стычка с китайцами произошла, до крови дошло. И ничего. Поболтали – позабыли. Секретарю парторганизации и председателю колхоза по машине выделили, так те сами всем рот прикрыли. И тут бы справились. Так нет же, б..., – мысленно выматерился первый секретарь обкома, – Открытая нота протеста, чтоб их...

На столе, перед Степаном Степановичем лежал текст заявления ЦК КПСС, который завтра должен был появиться в центральной прессе. По причине опубликования, которого, как он предполагал, в городе, а может и в области, особенно в приграничных районах, могла начаться паника.

Правительственную телеграмму Аврамеев получил полчаса назад. Как и секретари других обкомов. За прошедшие полчаса Степна Степанович весь текст буквально вызубрил, вбил в свою память. Потому, как, в отличие от других обкомов, данное послание касалось его области самым непосредственным образом.

Рука медленно провела по полоскам текста, приклеенным на официальный бланк. Пальцы с силой вжимались в лист, словно пытаясь прочувствовать выпуклость букв, вбитых в неё:

«...Советское правительство заявляет правительству Китайской Народной Республики следующее:

2 марта в 4 часа 10 минут московского времени китайские власти организовали на советско – китайской границе в районе пограничного пункта Нижнее – Михайловка (остров Даманский) на реке Уссури вооружённую провокацию. Китайский отряд перешёл советскую государственную границу и направился к острову Даманскому. По советским пограничникам, охранявшим этот район, с китайской стороны был внезапно открыт огонь из пулемётов и автоматов. Действия китайских нарушителей были поддержаны из засады огнём с китайского берега реки Уссури. В этом провокационном нападении на советских пограничников приняло участие свыше 200 китайских солдат. В результате этого бандитского налёта имеются убитые и раненые советские пограничники....»

Степан Степанович тяжело вздохнул, снова окинул взглядом присутствующих. Зал притих. Аврамеев, понимая, что оттягивать смысла нет, потому, как от оттягивания проблема не решится, поднялся с места председателя и, прокашлявшись в кулак, произнёс:

– Товарищи! Сегодня я был вынужден вас собрать по одному неотложному делу. Вчера, 2 марта, китайскими провокаторами, с санкции правительства КНР, была варварским образом нарушена государственная граница Союза Советских Социалистических Республик. – В зале послышался ропот. Степан Степанович поднял руку. – Разрешите зачитать вам Ноту руководства нашей партии и правительства, после чего мы с вами обязаны обсудить создавшееся положение.

В зале нависла напряжённая тишина.

«...Наглое вооружённое вторжение в пределы советской территории является организованной провокацией китайских властей и преследует цель обострения обстановки на советско – китайской границе.

Советское правительство заявляет решительный протест правительству Китайской Народной Республики по поводу опасных провокационных действий китайских властей на советско – китайской границе.

Советское правительство требует немедленного расследования и самого сурового наказания лиц, ответственных за организацию указанной провокации. Оно настаивает на принятии безотлагательных мер, которые исключили бы всякое нарушение советско – китайской границы....»

В этот момент Проклов наклонился к Малышеву и прошептал тому на ухо:

– Непонятно, к кому обращается правительство. Сначала мы обвиняем Мао в том, что он организовал провокацию, и тут же требуем наказать виновных. Мы что, думаем, что он по поводу самого себя будет проводить расследование, и самого себя накажет? Бред какой-то!

Проклова и Малышева на заседание обкома привёл полковник Иванов. А потому, он, сидя за столом президиума, и наблюдая за тем, как его подчинённые о чём-то перешёптываются, хмуро свёл на переносице брови. Майор ткнул Виктора локтём в бок и тот притих.

«...Советское правительство оставляет за собой право принять решительные меры для пресечения провокаций на советско – китайской границе и предупреждает правительство Китайской Народной Республики, что вся ответственность за возможные последствия авантю-

ристической политики, направленной на обострение обстановки на границах между Китаем и Советским Союзом, лежит на правительстве Китайской Народной Республики.

Советское правительство в отношении с китайским народом руководствуется чувством дружбы, и оно дальше намеренно проводить эту линию. Но безумные провокационные действия китайских властей будут встречать с нашей стороны отпор и решительно пресекаться.

Москва, 2 марта, 1969 год»

– Вот и вывернулись. – Теперь отреагировал Малышев, шёпотом передавая слова Проклову. – Дипломатия. Сначала обвинили, а после показали лазейку, через которую Мао может вылезти.

– Если захочет.

– То-то и оно.

Степан Степанович тем временем пролистал лежащие перед ним документы, и достал ещё один лист?

– Так же, товарищи, сегодня в центральной прессе будет опубликовано сообщение ТАСС, в котором говорится следующее: «2 марта в 4 часа 10 минут московского времени китайские власти организовали в районе пограничного пункта Нижнее – Михайловка (остров Даманский) на реке Уссури вооружённую провокацию. Вооружённый китайский отряд перешёл советскую государственную границу и направился к острову Даманский. По советским пограничникам, охранявшим этот район, с китайской стороны был внезапно открыт огонь. Имеются убитые и раненые. Решительным действиям советских пограничников нарушители границы...»

В зале, среди полной тишины, неожиданно раздался тяжёлый стон.

– Катя! – донеслось с последних рядов. – Катенька!

– Воды!

– Врача!

– Что там такое? – Степан Степанович не мог понять, что происходит. В зале наблюдалась суeta. Люди подсказывали со своих мест, пытаясь разобраться, что творится в последних рядах. – Да что случилось, в конце – концов? – не сдержался Аврамеев. – Товарищи, сядьте на свои места! Кто-нибудь скажет, что происходит?

– Врача! – слышались крики. – Немедленно!

Несколько человек, как вскоре смог рассмотреть первый секретарь, подняли на руки тело женщины и осторожно вынесли его из зала. В этот момент Аврамеева кто-то тронул за рукав. Он обернулся. Перед ним стоял военком Павлов.

– Извините, Степан Степанович. Это Катерина Пашкова. То есть, Катерина Викторовна. Новобурейский горком партии. Сын у неё на той самой заставе служит. В Нижнее – Михайловке.

– Вот те на... – Степан Степанович достал платок и вытер холодный пот со лба. – Выходит, напрямую нас коснулось. Что ж ты раньше молчал? Кабы, знал, то может, какие иные слова нашёл!

Павлов оторопело смотрел на первого секретаря.

– Так, Степан Степанович, я понятия не имел, по какому поводу вы нас собираете.

– То есть? Тебе что, ничего не известно? – Аврамеев сделал шаг в сторону от микрофона, чтобы члены обкома не могли слышать их разговор.

– Никак нет!

– Вам что, вообще ничего не сообщили?

Павлов пожал плечами:

– Полная тишина. По крайней мере, до сегодняшнего утра было так.

– Ладно. Свободен. – Аврамеев собрал рассыпавшиеся листы с текстами заявлений, при этом мысленно выругался: бардак, во всём бардак!

В зале потихоньку сам собой установился порядок.

Степан Степанович снова склонился над трибуной.

– Товарищи! Как вы понимаете, обстановка на границе со вчерашнего дня стала крайне сложна. Наша область, и город как раз находятся на той самой границе, где происходят выше указанные события. – Аврамеев готовился к выступлению, но происшедшее выбило его из колеи, и теперь он с трудом находил слова для того, чтобы точно и кратко передать продуманную заранее мысль. – А потому, товарищи, нам следует сегодня решить, как будем действовать в сложившейся обстановке. Ваши предложения, товарищи!

– А вопросы можно? – донеслось с тех мест, где сидели представители Зейского горкома.

– Конечно.

– Какова причина провокации? Ведь не с бухты же барахты китайцы решили напасть на нас. Может, там что-то произошло?

– Острова по реке надо было юридически узаконить, то и проблем бы не было. – Пробормотал про себя в тот момент Малышев, и тут же прикусил язык: не дай бог, кто бы его сейчас услышал.

– Причина одна. – Продолжал тем временем Степан Степанович. – К сожалению, в Китайской Народной Республике есть экстремистки настроенные элементы, которые имеют поддержку у некоторых руководителей коммунистической партии Китая. Судя по всему, кое у кого не выдержали нервы. Вот они и решили выместить свою злость на наших пограничниках.

– А что если это не конфликт, а война? – донеслось со стороны представителей Сководинского парткома.

Аврамеев поднял руку:

– Оснований полагать, будто на Даманском началась война, нет. Более детально по данному поводу вам даст ответ руководитель областного комитета госбезопасности товарищ Иванов. Я же со своей стороны могу сказать следующее. Мы сегодня должны принять адекватные и необходимые для общества решения, которые бы смогли не только снять напряжение среди людей, но и в некоторой степени, я бы так сказал, смогли бы отвлечь их от всякого рода слухов и сплетен. Во-первых, товарищи, вам следует, будет незамедлительно, сегодня же, сразу после заседания обкома, возвратившись домой, встретиться с руководителями первичных партийных организаций. Прояснить им обстановку. Высказать позицию Центрального Комитета, правительства, обкома партии. Приложить все силы, чтобы эти позиции дошли до каждого члена партии, до каждого комсомольца, и, особенно, до каждого беспартийного человека. Одним словом, до всех жителей области. Во-вторых, нам сейчас следует обсудить, как поступать дальше, в сложившейся обстановке, и принять соответствующее решение. Ни в коем случае нельзя допустить каких бы то ни было панических настроений! Нам следует разработать план действий на ближайшее время. По данному поводу у Василия Трифоновича уже имеются некоторые соображения. Прошу!

Иванов встал с места, прошёл к трибуне.

– Товарищи! – голос у полковника был отменный, театральный, хорошо поставленный. – Вначале отвечу на вопрос товарищей по поводу военных действий. Войны нет! Это я вам ответственно заявляю! Произошёл пограничный инцидент. Нас, так сказать, проверяли, на мощь мускул. И сломали себе на этом зубы! А потому, я ещё раз ответственно заявляю – городу, и области в целом ничто не угрожает!

«Ну, да, – мысленно усмехнулся Малышев, – а сам, как сказал водитель, свою дражайшую половину вчера вечером в Ленинград отправил. Может, конечно, и совпадение, да только с трудом в подобное верится».

– Теперь, товарищи, более детально поговорим о том, что нам предстоит сделать. – Иванов выдержал паузу, и продолжил. – Первое. Следует решить, как усилить патрулирование границы. Особенно, в городской черте. Да, да, вы не ослышались. На данный момент мы справля-

емся собственными силами. Но, в сложившейся обстановке, я считаю, необходимо обратиться за помощью к гражданскому населению. Помните, товарищи, как в годы Великой Отечественной войны мы несли дежурство на улицах Москвы и Ленинграда, высматривая самолёты противника, помогая в уничтожении зажигательных бомб? И нам для этого совсем не нужны были винтовки или автоматы. Наблюдательность – вот наше оружие! А потому, предлагаю создать из членов партии и комсомола, добровольцев, боевые отряды помощников пограничников, в задачу которых будет входить осматривать территорию, прилегаемую к границе, а также отмечать всех тех лиц, которые будут проявлять повышенную активность в приграничной полосе.

– Что он несёт? – тихо пробормотал Проклов. – Какое гражданское население? Мы же обсуждали сотрудничество с УВД.

– Значит, что-то изменилось. – Так же тихо ответил Малышев.

– За ночь?

– Представь себе. А что тебя удивляет? Иногда бывает, как у Ивана – дурака, достаточно ночь поспать. Или вовсе не спать. Особенно, если позвонить куда следует. Предположим, в Москву.

– Но ведь это бред! – возмущённо шептал лейтенант. – Мы вчера проанализировали всё, сделали выкладки, а он на них плевать хотел. Идиотизм!

– Это не бред, Витенька, и не идиотизм. Значительно хуже! Про напряжение в отношениях наших ведомств слышал? Вот тебе и ответ. Наверняка, «боров» получил ЦУ⁷. Да ладно тебе... Лично я другого и не ожидал. Посмотри, как вещает! И где он только этому научился?

– Было бы чему учиться. – В голосе Проклова звучало раздражение. – Но, ты прав – в этих делах «боров» мастак. Знает, что делает. Он сейчас, как раз, в ударе, в своей стезе. Прямо, как на пленуме горкома комсомола. Я его таким видел, в шестьдесят втором.

– Когда в институте учился?

– Ага. Я был делегатом, от нашего вуза. А Иванов тогда занимал пост третьего секретаря Московского горкома партии.

– Ну, то, что он оттуда, я знал. А вот то, что вы раньше встречались...

– Мы не встречались. Я простой студент, он целый третий секретарь. Но говорил тогда очень длинно и красиво. Заслушаешься! Прямо, как сейчас.

Степан Степанович заинтересованно смотрел на полковника. Таким Иванова первый секретарь ранее не видел. Глаза горят, жесты уверенные. В голосе сталь. Будто вторую молодость в того вдохнули. Интересно, кто? И ведь наверняка вдохнули в связи с последними событиями. Ишь, как рогами упирается.

А Василий Трифионович, помогая себе жестами рук, продолжал вещать:

– К тому же следует провести разъяснительную работу среди населения. Особенно, среди молодёжи. В школах, на классных часах, обсудить сложившуюся на границе обстановку. В вузах, техникумах, училищах провести политинформации на данную тематику. Провести комсомольские и партийные собрания в первичных ячейках. По радио транслировать патриотические передачи. Но, с этим, я думаю, – в этот момент Иванов повернулся в сторону Степана Степановича, – мы обратимся в комитет по радиовещанию. Таким образом, приложив максимум усилий, мы добьёмся...

– Бред! – снова прошептал Малышев. – Что классные руководители будут рассказывать школьникам, когда мы сами не знаем о том, что на самом деле сейчас происходит на границе? Он бы ещё предложил ходить по домам, изымать все радиоприёмники. Слава Богу, у нас хоть не ловят короткие частоты⁸.

⁷ ЦУ – ценные указания.

⁸ В 1963 году (25 апреля) состоялось заседание Президиума ЦК КПСС, на котором была положительно рассмотрена записка секретаря ЦК по идеологии Л. Ф. Ильичёва «О заглушении зарубежных радиопередач». Начиная с 1963 года в СССР были запрещены выпуск и продажа радиоприёмников с коротковолновым диапазоном.

– Это точно. – Отозвался Проклов. В домашней обстановке слушать «западные радиостанции» не имелось никакой возможности. Другое дело в управлении, где стояла мощная, армейская, коротковолновая аппаратура. Утром, во время дежурства, оба прослушали «русскую волну» радиостанции «Свобода». Американцы просто взахлёб обсуждали конфликт. Вот кому подфартило в эти дни!

«Янки» сообщили о том, что, по непроверенным, пока, данным, на Даманском погибло около двадцати советских и приблизительно около десятка китайских пограничников. Конечно, по количеству убитых, «америкосы», как их называл Малышев, соврали. Наш брат никогда не уходил на тот свет, не отомстив врагу. Так что, убитых было, по меньшей мере, пятьдесят на пятьдесят. А то и поболее с китайской стороны. Но успокаивало другое. Американцы в репортаже показали произошедшее, как пограничный конфликт. Не больше. А они отслеживали такие дела чётко. Посему выходило, Благовещенску ничто не угрожало, и Иванов был прав, когда решился назвать происшедшее «пограничным инцидентом». Но, как говорится, на Бога надейся, а сам ...

Полковник, тем временем, в своей речи дошёл до тупика. О воспитательной работе с населением он рассказал, даже в деталях. Но на вопрос из зала, по поводу того, что нужно сделать, чтобы в городе не завтра, не послезавтра, на что были рассчитаны все мероприятия, предложенные начальником областного управления КГБ, а именно сегодня, пока не появилось заявление правительства в газетах, не случилась паника, Василий Трифонович ответа дать не смог. Не было у него такого опыта работы с населением во время чрезвычайных происшествий. Когда от твоего быстрого решения зависят жизни тысяч людей. Весь другой опыт имелся, а вот такового не было.

Над залом нависла тишина.

Степан Степанович склонил голову над столом: а это неплохо, подумал он, что чекист «сел в лужу». Больно прыток. Языком болтать все мастаки. То, что Иванов сейчас наговорил, конечно, будет выполнено. Без идеологической работы не обойтись. Но это они могли провести и сами. Тут призывы ни к чему. А вот что сделать конкретного – вот в чём вопрос?

С первого ряда поднялся ветеран войны и труда, орденосец Нестеренко Игнат Фёдорович.

– То, мил человек, что вы только что глаголили, нам и самим известно. Собрание – вещь хорошая. И осудить этих китаёз следует! Да только слухи то о Даманском уже поползли по городу. Это вы тут сидите, не знаете. А слух по городу уже пополз. Не конкретно, конечно, но гуляет. А слушок он, как нам, товарищи, известно, имеет свойство обрастать сплетнями. И страхами. Один расскажет. Второй прибавит. Третий соврёт. И покатился ком. Каждому ведь не станешь доказывать, кто и что врёт. А тут ещё Нота...

– К чему вы клоните, Игнат Фёдорович? – спросил Аврамеев.

– Да к тому, что нам следует все эти слухи на корню прекратить. И быстро! Иначе, господа – товарищи, ждать беды. – Нестеренко достал из кармана пиджака латуневый портсигар и принялся крутить его в пальцах. – Я так смотрю, – старик кивнул в сторону офицеров. – товарищ полковник прибыл не один, а с поддержкой. И у них, значит, кое-какой план на сей счёт, похоже, имеется. Но и у меня возникла одна мыслишка. Может, глядишь, она и совпадёт с тем, что нам предложит ЧК.

– Комитет госбезопасности. – Автоматически поправил ветерана Иванов, но тот на подсказку не обратил внимания.

– Вот тут, здесь, сейчас, я думаю, мы сможем решить проблему с паникой в течение трёх – пяти часов. – Ветеран говорил раздумчиво тихо, однако, в зале стояла такая тишина, что его слышали с любого места. – Только для этого нужно, чтобы все действовали, как бы так сказать, заодно. Вместе! Разом!

– А точнее? – Степан Степанович пока не мог понять, куда клонит старик.

– Вот тут, – Нестеренко обвёл зал взором, – присутствуют наши, так сказать, руководители торговых точек, то бишь, магазинов. Вот они-то нам и помогут!

После секундной паузы в зале послышались недоумённые перешёптывания. Люди, пока, не поняли небольшого выступления ветерана.

Степан Степанович закрыл нижнюю половину лица своей широкой ладонью, чтобы никто не увидел его улыбки. Он сразу догадался, куда клонит мысль старик, и понял, что тот подсказал ему спасительный выход. Мысль была проста, и действительно выполнима.

– Что-то я сегодня плохо соображаю. – Проклов склонился в сторону Малышева. – Он что, предлагает, чтобы обороной города занялись продавцы?

– Лопух! – усмехнулся майор, который тоже понял, куда клонил выступающий, – Ай да дед! Ну и голова! Представь, Витя, если сейчас на прилавки, ближе к вечеру скинут дефицит, что будет?

– Очереди.

– Совершенно верно! И радость! Эмоциональный, так сказать, стресс. Да ещё перед Восьмым марта! Во как! Нет, старик определённо голова!

– Константинович, ты не учишь одного, – шёпотом проговорил Виктор Васильевич, – в очередях много говорят. И на разные темы. Так что, последние события в любом случае будут у всех на языке.

– На языке они будут и так, и так. А ты учти эмоциональный фактор. Человек, получивший в руки заветную вещь, более спокоен и уравновешен. Тем более, перед праздником.

В это время в зале полным ходом шло обсуждение выступления Нестеренко.

– Товарищи, – с первого ряда поднялась тучная фигура директора городской плодово-овощной базы. – предложение товарища Нестеренко конечно, интересное, и заслуживает внимания. Но, план распределения продуктов у нас расписан помесечно. Да что помесечно. У меня на каждый день имеется план распределения продукции по точкам. Кому, куда, в какой магазин и сколько отгрузить! Мы же нарушим работу предприятия, товарищи! И потом, если сейчас отгрузим весь дефицитный товар, то чем будем торговать, когда ситуация стабилизируется?

– Найдёте, чем торговать! – неожиданно послышалось с задних рядов. – По сусекам поскребёте, и отыщете!

В зале раздался смех. Аврамеев тут же пресёк его жестом руки.

– Смеяться, товарищи, будем после. Лично я считаю, предложение Игната Фёдоровича следует принять. Сразу после заседания попрошу остаться всех руководителей торговых сетей. Ещё кто хочет высказаться?

Неожиданно Малышев поднял руку. Проклов с удивлением посмотрел на коллегу.

– Слушаем вас, товарищ майор.

Иванов, сидящий в президиуме, наклонился к Аврамееву и тихонько произнёс:

– Он же не член обкома.

– Ничего страшного, Василий Трифонович. – Громко, открыто ответил Степан Степанович. – Товарищ майор, вы же член партии? Вот и хорошо! Голос рядового коммуниста для нас будет даже необходим. Говорите.

Иванов с силой сжал кисти рук, да так, что даже Проклову с пятого ряда было видно, как кожа на костяшках пальцев полковника побелела.

Выходить к трибуне Малышев не стал, а потому говорил стоя, с места, слегка обернувшись к сидящим в зале:

– Я тоже поддерживаю предложение товарища Нестеренко. Только хотел бы дополнить. Товар повышенного спроса, или как его ещё называют, дефицит, следует «выбрасывать» на прилавки магазинов не весь и не сразу, а дозировать. Причём, не только сам товар, но и точки, где он будет реализовываться. На это имеется несколько причин. Первая: желательно, чтобы

дефицит постоянно появлялся на прилавках, хотя бы до Восьмого марта. Таким образом, у нас будет неделя для того, чтобы в нормальных, спокойных условиях провести идеологическую работу в массах. Да и праздник нам поможет, в некоторой степени. Вторая причина заключена в том, что мы на данный момент не знаем, насколько глубок пограничный конфликт, и когда он будет исчерпан. Опять же, временной фактор. По этой причине, мы должны провести работу таким образом, чтобы жители были по максимуму задействованы в решении бытовых проблем. Город у нас небольшой. А потому нам будет на руку, если дефицит станет появляться то в одном конце Благовещенска, то в другом, причём, в разное время.

– Чтобы народ катался по городу? – донеслось из зала.

– Совершенно верно.

– А как же работа? – произнёс тот же мужской голос.

– А вы думаете, сейчас не ездят? Или кого-то не отправляют на поиски дефицита? Или просто за продуктами?

– Но не в такой степени!

Малышев замолчал. К такому повороту разговора он готов не был.

– Ездят и посылают! – неожиданно поддержал майора Степан Степанович. – И вы, и я об этом прекрасно знаем. Так что ничего страшного не вижу в том, если перед праздником народ чуток меньше поработает, зато приборохлится. Работа, может и проиграет. Зато, с психологической стороны мы выиграем. Продолжайте, товарищ майор.

– Таким образом, – вернулся к теме обсуждения Малышев, – мы на необходимое для нас время, задействуем взрослое население. Ну, а с молодёжью, как правильно сказал товарищ полковник, нужно будет заняться более активно. И не только в школах и вузах. На спортивных площадках, в домах культуры, во дворце пионеров. Провести чемпионат по конькам, лыжам. Провести смотр художественной самодеятельности, приурочить его к Международному женскому дню...

– Мы уже провели финальный конкурс! – вскочил с места первый секретарь горкома комсомола, но Аврамеев его тут же усадил на место:

– Проведёте дополнительный тур! Праздничный! С участием не только финалистов! Что ещё, товарищ майор?

– То, что предложил товарищ Ковалёв, касается, так сказать, физической оболочки. Но, у каждого советского человека имеются и духовные потребности. Желательно, товарищ первый секретарь, чтобы к нам в город приехали артисты из столицы! И чем скорее, тем лучше! Это бы всколыхнуло город! Подбодрило его.

Степан Степанович отыскал взглядом второго секретаря обкома:

– Георгий Наумович, сможем что-нибудь придумать по данному вопросу?

Тот поднялся с места с блокнотом в руках:

– Думаю, да, Степан Степанович. Конечно, Магомаева и Кристалинскую не обещаю, но довольно именитых гостей доставим!

– Только сделать это следует до восьмого числа. – Тут же дал указание Аврамеев. – Выступят, а заодно и в жюри на смотре посидят. Всё, майор?

– Так точно.

Малышев сел.

– А почему не сказал о милиции? О нашем предложении? – накинулся на Александра Константиновича Проклов. – Не захотел? Так, давай, я скажу...

– Сиди! – Малышев схватил лейтенанта за руку. – Не рыпайся! Если Иванов не пожелал вмешивать в наши дела УВД, значит, имелись на то причины. И довольно веские.

– А как же общее дело?

– А если Москва после взгреет по первое число? То-то.

Иванов, тем временем, попросил у Аврамеева разрешения отлучиться. Получив одобрение, он спустился со сцены, пальцем поманил подчинённых и быстрым шагом направился в сторону дверей.

– Что вы себе позволяете? – Накинулся на зама начальник управления, как только они оказались в коридоре. – Для чего я вас привёл? Для консультации! И то, если потребуется. А вы... – Иванов быстро выкрикивал слова, брызгая слюной на майора. – Малышев, кто вас просил высказывать своё мнение? Вы что, получили от меня соответствующее указание по данному поводу?

– Никак нет!

– Так какого х... полезли? – грязно выругался полковник, не обращая внимания на присутствовавшего при разговоре лейтенанта. – Выпендриться захотелось? Эрудицию показать? Я вам покажу, эрудицию!... Немедленно в управление! Оба! И ждать меня! Хоть до ночи!

Иванов резко рванул полы кителя, развернулся и тяжёлым шагом направился в зал...

13 марта, 1969 года. 14. 18

– И чем для вас закончился тот день? – поинтересовался Глебский.

– Ничем. – Малышев широкой ладонью правой руки потёр лоб, словно пытаясь стереть из памяти неприятные воспоминания. – Василия Трифоновича мы не дождались. Проторчали в своих кабинетах до двадцати трёх, но нас так никто и не вызвал. Где-то в начале двенадцатого ночи, точное время назвать не могу, позвонил лейтенант Козлов. Сообщил, мол, товарищ полковник уже дома, отдыхают, будут нас ждать утром. И что мы можем быть свободны.

– И?

– Что и? Поехали по домам.

– Это понятно. Что было на следующее утро?

– Ничего. Иванов меня к себе так и не вызвал.

– А Проклова?

– Виктора, насколько знаю, тоже.

– Странно. – Глебский пригладил рукой редкие волосы на голове. – Иванов что, не мог лично позвонить?

– Мог.

– Почему поступил иначе? Почему поручил данную миссию Козлову?

– Понятия не имею.

Подполковник на секунду прикрыл глаза: жутко хотелось упасть на горизонтальную поверхность и уснуть. В самолёте выспаться не смог: хоть и летели в ночи, но постоянный гул от двигателей, а потом ещё и дозаправка в Абакане полностью разрушили ритм жизни подполковника.

– И всё-таки, какова причина, что Иванов позвонил именно Козлову, а не одному из вас? Почему именно через Козлова, а не через секретаря, в конце концов? Последний что, на больничном был?

– Нет.

– Тогда непонятно.

Малышев с минуту раздумывал, как ответить. После чего произнёс:

– Иванов опекал Козлова.

– В смысле?

– В смысле, патронировал. Курировал. Как ещё пояснить?

– В чём это заключалось?

– Во-первых, Козлов точно в срок, даже чуть ранее, получил повышение в звании. Не показатель, но тем не менее. Во-вторых, Иванов его сделал секретарём парторганизации управления.

– Что значит: сделал? – не понял Глебский. – У вас что, секретарей назначают, а не выбирают?

– Да брось ты, подполковник. – Поморщился майор. – Будто не знаешь, как это делается.

– Знаю. Только на данную должность, тем более в областном управлении, ранг должен быть чуть повыше, чем старший лейтенант.

– На меня намекаешь?

– Никакого намёка. Прямой текст. Причину, по которой Иванов решил поставить своего человека во главе партийной ячейки, полковник объяснил?

– Кому?

– Понятно. Значит, Василий Трифонович протезировал лейтенанта. Молодым везде у нас дорога... Под прикрытием демократического централизма, и всё такое прочее... А что Козлов? Нравилось ему пребывать в данной роли?

– Почём я знаю. – Словно от зубной боли, поморщился Малышев. – Спроси у самого Козлова.

– Спрошу. Обязательно. Смотрю, ты лейтенанта недолюбливаешь.

– А он не девка, чтобы его любить! – отрезал Малышев. – Слушай, если у тебя больше нет вопросов,пусти. Дела. Я и так сегодня половину рабочего дня тебе посвятил.

– Не мне, а расследованию, что, как говорят в Одессе, есть две большие разницы.

Малышев поднялся с места, но Глебский его удержал:

– Извини, майор, но всё же попрошу остаться. Мы хотим сегодня осмотреть кабинет Иванова. В твоём присутствии. А также секретаря Василия Трифоновича. Мои люди будут с минуту на минуту. Так что, давай продолжим беседу.

– В таком случае, предлагаю спуститься на первый этаж, в буфет. – Малышев первым направился к двери. – Разносолов не обещаю, но горячее будет.

Когда мужчины утолили первый голод, Глебский, вытерев рот салфеткой, произнёс:

– Скажи, Константинович, каков был покойный Иванов? В смысле, как человек?

Малышев подвинул к себе тарелку со вторым блюдом, поковырял в нём вилок, отставил в сторону. Подполковник майора не торопил с ответом.

– Как человек? Трудно сказать. Мы с ним близко не контактировали. Только по службе.

– И что, не встречались во внеслужебной обстановке? К примеру, на праздниках? Дне рождения? У вас не отмечали Новый Год? День Советской Армии?

– Отчего ж. Отмечали. – Малышев взял стакан с чаем. – Редко. Да Иванов особо себя на таких мероприятиях и не проявлял.

– Песен не пел? Тостов не произносил? О героическом прошлом не вспоминал?

Малышев внимательно посмотрел на собеседника.

– А почему ты с такой ехидцей выделил слово «героическом»?

– Да так, вспомнилось. – Глебский с удовольствием поглощал гречневую кашу с рыбой. – У меня есть один знакомый. Так он, когда выпьет, всё свою боевую молодость вспоминает. Как один со всей фашисткой Германией воевал. Послушаешь его, так обида душу терзает: и почему такому мужику звание Героя до сих пор не присвоили?

– Не понял.

– Перестань. Всё ты прекрасно понял. Небось, в голове то сейчас прокручиваешь одну мысль: и чего этот москвич ко мне прицепился? Василий Трифонович оттуда прибыл? Из перестольной! А значит, можно было бы и на месте, перед командировкой, до вылета, о нём всё узнать. Ведь так, Константинович?

– Предположим.

– Да так, именно, что так. И, самое интересное, ты прав. Я действительно об Иванове справки наводил. К сожалению, лично знаком с ним не был: он убыл к вам в тот год, когда меня в столицу из Минска перевели. На повышение. Правда, видел пару раз. Мельком. А вот лично – нет. Но мне много интересного о нём рассказали, люди из его бывшего окружения. Не желаешь послушать? Время есть.

– Представьте себе, нет.

Малышев мелкими глотками осушил стакан.

– А напрасно. – Глебский отложил вилку, но к чаю не притронулся. – Много, много узнал любопытного.

– Я придерживаюсь старого, заостеренного правила: о покойниках говорить либо хорошее, либо ничего.

– Согласен. Только не в данном случае. Кстати, Константинович, тебе известно, что ваш начальник писал на тебя докладные в Москву?

Малышев похолодел. Таких слов услышать из уст следователя он никак не ожидал.

– Нет. Про это ничего не знаю.

– Теперь знай. Шесть докладных. Подробных. Со всеми выкладками. После рассмотрения, которых наверху было принято решение отказать майору Малышеву в присвоении очередного звания.

Александр Константинович сглотнул вмиг набежавшую, горькую слюну:

– Ты их видел?

– Да что ты. Не тот уровень. Но человеку, который мне про них рассказал, всецело доверяю. Как тебе информация?

Малышев аккуратно поставил стакан на стол.

– Бог ему судья.

– Да нет, Константинович. Позволь с тобой не согласиться. Иванова наказал не Бог, а вполне живой человек. Ударом в челюсть. Чем и сократил жизнь товарища Иванова. А ты ведь его недолюбливал, верно? Да не отмачивайся, и так понятно. Едва начал свой рассказ о событиях второго марта. Интонация, паузы: всё говорило о твоём отношении к Иванову. Так то вот. Кстати, где ты был в ночь убийства?

– Ого! – И без того узкие глаза майора превратились щёлку. – Какой резкий переход от беседы к допросу!

– Ошибаешься. Просто у меня такая манера вести разговор. Привычка. Рано, или поздно, я бы всё равно задал тебе этот вопрос. Так как?

– В тот вечер я находился в областной больнице. До трёх ночи. У меня сын в реанимации. После операции.

– Прости. Не знал.

– Ничего, всё должно обойтись. Будешь проверять?

– Буду.

– Спасибо за откровенность.

– А я не Василий Трифонович. Фигу в кармане носить не собираюсь. Кофе здесь есть?

– Нет. Если хочешь, можем подняться ко мне.

– Буду премного благодарен. Признаться, спать хочется неимоверно.

На лестнице Малышев решил поинтересоваться:

– Что ты имел в виду, когда сказали про фигу?

На лестнице, кроме них, никого не было, однако, Глебский отвечал еле слышно, так, что даже майору пришлось сосредоточиться, чтобы распознать сказанное:

– Гнида он был, Василий Трифонович. Не знаю, как здесь прижился, но в Москве о нём до сих пор вспоминают незлым, тихим словцом.

– По причине?

Глебский подождал, пока мимо них, отдав честь, не прошёл один из сотрудников управления. После чего продолжил:

– В каждом деле есть исполнители. Плохие, хорошие – без разницы. Главное, они есть. Без них – никак. От их работы многое зависит. Не всё, но очень многое. Они могут качественно выполнить приказ. А могут его слегка, так сказать, похерить. Однако, в любом случае, это будет только выполнение приказа, распоряжения, называй, как хочешь, и не более. Но, среди этой братии имеется одна порода, которая не просто выполняет приказы. Она их выполняет с вдохновением. Я бы даже сказал, с рвением. Породы исполнителей – виртуозов. Это те, кто свою работу превращает в некое творчество, я бы даже не побоялся сказать, в искусство исполнительского мастерства. Когда они не просто выполняют работу, а делают это виртуозно. Не красиво, а именно – виртуозно. К примеру, простой исполнитель просто возьмёт и вынесет мусорное ведро. Молча. Как необходимое действие. А виртуоз поступит иначе. Он мусорное ведро обернёт в фольгу. Так, чтобы все видели блеск в его работе. Будет нести то самое ведро, не скрываясь от взглядов посторонних, ничего не стыдясь. При этом, ещё включит бравурный марш, чтобы все знали, что это он, именно он, а не кто другой, выносит мусор.

– Странное сравнение. И что? – усмехнулся Малышев.

– Запомнил, это хорошо. Так вот, товарищ Иванов был лучшим из исполнителей – виртуозов.

– Был бы лучшим, не попал на периферию. – Вставил реплику Малышев.

– А вот тут ошибаешься. Именно потому, что был виртуозом, потому и попал. Как исполнитель Иванов в столице вёл себя просто восхитительно. – В голосе Глебского звучала едкая ирония. – Любое мероприятие мог превратить в событие планетарного масштаба. И всё бы у него складывалось хорошо, да только не на ту фигуру Василий Трифонович поставил. Ему бы нос по ветру держал, То и до сей поры торчал бы в столице. А он дал промашку. Такие вещи наверху не прощают не только простым исполнителям, но и виртуозам.

– То есть? Сказал «а», говори и дальше.

– У вас, здесь, о Московском скандале, в ноябре шестьдесят второго года, слухи ходили?

Малышев пожал плечами:

– Это связано с нашей службой?

– Нет. – Глебский усмехнулся. – Как же вы далеки от всех столичных перипетий.

Майор нахмурился.

– Да, далековато. И это нам в вину поставишь?

– Перестань. Между нами только начали складываться более – менее нормальные отношения, и я бы не хотел их испортить. Связано не с вами, а с Ивановым. Напомню. В ноябре 1962-го, состоялась выставка современного искусства. Как мне рассказали, не бог весть что. Какая-то мазня на холстах. Непонятные статуи. Словом, отрыв от действительности, полная фантазмагория. Хрущёву, естественно, не понравилось. Он, как мне рассказывали, был жутко возмущён. Разорался на организаторов. Приказал художников разогнать, выставку закрыть. И вот тут случилась одна прелюбопытнейшая вещь. Если бы распоряжение Никиты Сергеевича поручили выполнить простому исполнителю, среднего звена, то об этой выставке никто, никогда и ничего не узнал. Ну, проходило что-то на Манежной площади. И что? Ну, выставили нечто. Что – не известно! Постояло да закрылось. То ли от холода, то ли от нехватки посетителей. Сплетни бы умерли, ещё не родившись. Но, кому, как вы думаете, досталась почётная миссия это сделать?

– Иванову.

– Совершенно верно! Другой, будь на его месте, просто бы прикрыл лавочку, да и вся недолга. Замок на двери, все по хатам. Однако, Василий Трифонович на тот момент уже стал исполнителем – виртуозом. Иванов, к тому времени, успел занять пост третьего секретаря Московского горкома партии, стремился к должности второго. А хотелось то стать первым!

Вот потому, наш виртуоз и решил выпендриться. Нагнал бульдозеры со строек, и давай уютить творения современного искусства. На глазах шокированной общественности и западной прессы. А чтобы художники не бузили, ещё и милицию привлекли. Тогда арестовали что-то около тридцати человек. Вспомнил?

– Краем уха до нас эта весточка долетала. И что?

– Самое странное, Хрущёв остался в край доволен. Он Иванова, после этих событий, неоднократно задействовал в подобного рода мероприятиях. И Василий Трифонович находился в ожидании, что его звезда вот-вот взойдёт. Да промахнулся.

– Никита Сергеевич подал в отставку.

Глебский сделал паузу. А майор не так прост. Эка, как ввернул: ушёл в отставку. Все знали что, то была за отставка. А Малышев перестраховался. Видимо и здесь жизнь кое-чему учит.

– Можно сказать и так. Вот тогда то, Василий Трифонович и попал в немилость. За свою преданную Никите Сергеевичу виртуозность. Ну что, двинули пить твой кофе?

Глебский неожиданно понял: более ничего не сможет рассказать Малышеву. Потому, как тот только что стемнил, закрылся. А закрытых людей подполковник остерегался.

А рассказать было о чём. Исполнитель – виртуоз пришёлся не ко двору новой кремлёвской команде. По Лубянке бродили правдоподобные слухи, будто Иванов писал доносы на первого секретаря Московского горкома партии Егорычева, когда тот попал в немилость к новоиспечённому Генеральному секретарю ЦК КПСС, но это Иванова не спасло. Сам подполковник тех документов не видел. Но, перед отъездом, в коридоре управления, Андрей Сергеевич услышал одну фразу, вскользь брошенную руководителем седьмого отдела, с которым только что говорил об Иванове: «Слава Богу, хоть ни одной более строки мы от этой гниды не увидим!». Эти слова говорили о многом. Непосредственно перед вылетом, Глебский встретился с бывшими сотрудниками Иванова по Московскому горкому партии. Большинство из них «играло в молчанку», не желая вспоминать недавно минувшие дни. Но два человека, из тех, кто «ушёл» из горкома вместе с Василием Трифоновичем, кое-что поведали о «несколько туманном и скользком» личном прошлом теперь уже покойного Иванова. К примеру, вспомнили как тот «захомутал» и на себе оженил племянницу первого заместителя председателя КГБ Яценева. Собственно, именно Георгий Карлович спас мужа племянницы, выбил Василию Трифоновичу звание полковника, и временно, как считал Василий Трифонович, спровадил того из столицы, ждать, пока всё не утихомирится. Как новоявленный начальник управления, опять ж, по «просьбе» дяди жены, строчил тому обо всём, что творилось в «конторе», как до того докладывал, о «тёмных» делах горкома. И ещё кое-что.... Но об этом он бы Малышеву ни за что не поведал.

Егоров и Хохлов уже вернулись из гостиницы и теперь ждали начальство в приёмной.

– Ну, как жильё? – Поинтересовался Глебский, скидывая пиджак.

– Нормально. – Первым отозвался Хохлов, вставая с кресла.

– Третий сорт – не брак! – В свою очередь добавил с улыбкой стоявший у окна старший лейтенант Егоров. – Хотя бывает и лучше.

– Телефон в номере есть?

– Откуда, Андрей Сергеевич? – Искренне удивился молодой человек. – Это же не «Интурист»!

– Жаль. Александр Константинович, а где у вас ближайшее почтовое отделение?

– Так вы от нас звоните. – Ответил вошедший следом за Глебским Малышев.

– А если приспичит?

– В таком случае, здесь недалеко. В квартале от нас. Угол Амурской и Пионерской. Ориентир – ресторан «Восток».

– Вот и ладушки! Ну, что, Александр Константинович, ещё кого, кроме секретаря, для осмотра кабинета будете звать?

– Зачем? – Искренно удивился Малышев.

– И то верно. Хохлов, а ну-ка, ещё разок осмотри оттиск печати.

– Для чего? – Теперь пришла очередь удивиться Егорову. – Я же уже смотрел.

– Для уверенности. И, так сказать, для подстраховки. А ты, Нестор, пока старшие по званию будут делами заняты, бери секретаря, спуститесь к дежурному, возьмите печать и дубликаты ключей.

Малышев тяжело опустился на кожаный диван, и прикрыл глаза. И откуда на его голову свалился этот подполковник? Весь день псу под хвост. Да, Василий Трифонович, мысленно проговорил майор, даже при жизни вы бы не смогли устроить более подлянистую вещь, нежели то, что происходит после вашей смерти.

Двери распахнулись. На пороге появились Егоров и секретарь Иванова, двадцатитрёх-летний, жердиноподобный Сысоев, один из немногих контрактников, служащих областного управления.

Хохлов взял принесённую печать, внимательно её осмотрел, потом ещё раз наклонился над оттиском.

– Товарищ подполковник, – после минутной паузы, наконец, вынес вердикт капитан, – полная идентичность. Оттиск соответствует печати! До мелочей.

– Что ж, товарищи, давайте пройдем в апартаменты. – Глебский кивнул головой в сторону секретаря, и тот, бросив быстрый взгляд на Малышева, молча вставил ключ в замочную скважину.

Из дневника сотрудника Амурского областного управления Государственной безопасности старшего лейтенанта Проклова В. В.

07 ноября, 1966 года.

«... стояли в оцеплении. Замёрз, как цуцик. В Москве на Октябрьские праздники намного теплее. В прошлом году, когда мы шли по Красной площади, я был одет в тонкое, драповое, демисезонное пальто. И не замёрз. И без шапки. А тут минус двенадцать! Снег, метель. Кошмар! Стоять пришлось четыре часа. Хорошо, с Еремчуком менялись. То он в «газоне» греется, то я. Сейчас пишу, а руки немые, деревянные. Как говорят в народе, колом стоят. Только это всё ерунда!

Я счастливый человек! Кто мог подумать, что комсомол меня специально пошлёт сюда, на Дальний Восток, чтобы я встретился со своим будущим? Надо же, а?

Моё будущее зовут Светлана. Она (или оно, то есть будущее) носит толстую, длинную, почти до пояса, косу. Имеет хрупкую фигурку, курносый носик, чёрные, обворожительные глаза, и весёлый, взбаламошенный характер.

Времени у меня мало, потому, как нужно бежать на кухню, помогать Свете и дяде Саше готовить праздничный обед. Точнее, ужин. На мне лежит разделка селёдки и чистка картофеля. Но я всё равно пару строк ещё допишу. Потому, как руки просто чешутся поделиться радостью.

Со Светой мы познакомились десять дней назад. Я так думаю, дядя Саша специально подстроил нашу встречу. Позвал меня к себе, в институт, на кафедру. Даже не помню, зачем. Помнится, жутко в душе ругался по поводу того, что после работы, а в тот день пришлось изрядно помотаться: проводилась учебная тревога на первой заставе, я, вместо того, чтобы идти домой, тащился к нему. Всю дорогу, от управления до БГПИ⁹, а это три квартала, мой

⁹ БГПИ – Благовещенский Государственный Педагогический институт им. Калинина. В настоящее время – университет.

рот не замолкал ни на минуту и тихонько матюкался. А голова всё не могла понять: на кой я понадобился старику вечером, в институте? Но когда моё брренное тело вошло в старое здание учебного корпуса, после чего поднялось по гулкой, металлической лестнице на второй этаж, и прошло на кафедру филологии, то все матюки вмиг выветрились из головы, а внутри всё, что там имелось, оборвалось.

Не помню, что говорил я, что мне отвечал Александр Олегович, но зато помню её смех и голос. И глаза! Чудо, какие дивные глаза!

Мы стали встречаться. Странное слово: встречаться. Впрочем, человечество так до сих пор и не изобрело путного слова, для того, чтобы показать в точности подобные взаимоотношения мужчин и женщин. Люди встречаются на вокзалах, в аэропортах. В кафе. Случайно, или по договору. А мы не встречались. Мы бродили по городу. По улице Ленина, мимо её института, в сторону кинотеатра «Октябрь». Или же меняли маршрут, и шли к Первомайскому парку. Но чаще всего бродили по набережной. Я держал её руку, слегка сжимая узкую ладошку, крепко, но не сильно, только так, чтобы она хоть чуточку почувствовала то, что чувствую я. Когда становилось холодно, согревал ладошку в своём кармане.

Вечерами, когда возвращался поздно домой, дядя Саша и Мишка делали вид, будто спят. Но я то знал, что они не спали, и перед моим приходом, наверняка, обсуждали меня. И чёрт с ними! Какие же они хорошие мужики! Мишка, когда я собираюсь на встречи со Светой, заставляет меня надевать свой костюм. Он у него импортный, дорогуший. Ему кто-то из художников, из прошлой, московской жизни, из-за границы привёз. То ли из Германии, то ли из Франции. Сам он его не носит. Говорит, нет повода. Но и продать не хочет. Мол, дорог, как память. А Александр Олегович мне презентовал галстук. Шёлковый! Шик! Светланка, как видит меня в таком виде, в костюме и с галстуком, тут же берёт под руку: чтоб не украли. Приятно! Аж, мурашки по спине...

Ладно, зовут! Вон, даже Мишка с утра ходит трезвый, терпеливо ждёт, когда сядем за стол. Смотрит на меня с тоской. Нельзя так над человеком издеваться. Иду чистить картошку!»

13 марта, 1969 года. 14. 52

– Арсений...

– Федотович!

– Осмотрите, пожалуйста, Арсений Федотович, содержимое кабинета Василия Трифонова и скажите: всё ли находится на своих местах? То есть помещение находится именно в том состоянии, как было 11 марта этого года, или что-то поменялось?

Сысоев нацепил на нос очки в тяжёлой, толстой оправе, как отметил Глебский, точь в точь, какие носил глава КГБ Андропов, и бегло осмотрел кабинет.

– Я в тот день ушёл вместе с Василием Трифоновичем. Вроде, – неуверенно протянул секретарь. – как будто, всё на своих местах.

– Вроде как – такой ответ не годится. – Глебский прошёл в центр комнаты. – Смотрите детально. Что отсутствует на столе, в шкафах, в гардеробе? Естественно, в первую очередь проверьте содержимое стола и несгораемого шкафа. Арсений Федотович, что стоим? Приступаем!

Малышев задержался у порога. Странное чувство овладело им. Кабинет, вроде, как и не изменился. Всё находилось на своих местах, как при Василии Трифоновиче. И двутумбовый, дубовый стол, с полированной столешницей, на которой стояли письменный прибор и бронзовый бюстик Ильича, лежало несколько папок, и блокнот в твёрдом, картонном переплёте. Крепкий стул, во главе стола, на котором предпочитал сидеть глава управления. Стол для совещаний, над которым висел портрет Дзержинского, стоял на прежнем месте. Книжные шкафы, в которых пылились тома Ленина, со вставленными для глаза посетителя закладками, громоздились на своих местах. В углу, как обычно, выделялся из общего интерьера, металли-

ческий, несгораемый шкаф, выкрашенный в едко зелёный цвет. Всё было знакомо и обыденно. И неприятно. Малышева не покидало чувство, будто полковника нашли не перед домом, на улице, а здесь, именно в этом кабинете. Мало того, ощущение было таковым, что, казалось, сделай с десяток шагов, загляни за стол, и обнаружишь лежащее, мёртвое тело Иванова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.